

W
A
S
H
I
N
G
T
O
N
A
N
S
I
N
G
T
O
N
A
N
S

Ono gwele
go Nwanona

Сто дней до Потопа — Юлия Вознесенская

Вознесенская Юлия Николаевна

Эта история началась за сто дней до Потопа, как гласит название книги, а закончилась с началом Потопа. Она о Дине - подруге детства Ноева сына Сима. Дина - последний человек, которого Ной через своего сына надеется уговорить войти в спасительный ковчег.

Спасительный Ноев ковчег посреди обезумевшего, развратившегося мира допотопных людей является образом Церкви Христовой на закате времён.

Повесть-притча

Сто дней до Потопа

Но как было во дни Ноя, так будет и в пришествие Сына Человеческого: ибо, как во дни перед потопом ели, пили, женились и выходили замуж до того дня, как вошел Ной в ковчег, и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех, — так будет и в пришествие Сына Человеческого. (Мф. 24:37-39)

На восходе солнца Сим, первенец Ноя, сидел на бревне возле самой воды и разглядывал крупную жемчужину, подрагивающую на его ладони. Он раздумывал: сделать из нее украшение для Лии или просто отдать отцу? А может, подарить ее Динке? Динка оценит.

Жемчужину эту он нашел еще вчера, проходя утром вдоль полосы морского мусора, оставленного отливом. Она лежала в песочной ямке между гниющими черными водорослями, обломками тростника и пустыми раковинами, и если бы не блеснувший на ее боку отсвет восходящего солнца, Сим мог ее и не заметить, пройти мимо этой чудесной маленькой игрушки природы.

Длинная волна беззвучно приблизилась к самым его ногам, замерла на миг и тихо откатилась, оставив на берегу тонкий кружевной след, такой же длинный, как она сама.

Небо над головой Сима, похожее на внутренность исполинской жемчужницы, уже потеряло свои бледно-розовые краски, и на востоке сквозь перламутр небес бледно-желтым пятном светило солнце.

Отец как-то говорил, что после Потопа солнце начнет светить людям прямо с открытого неба, а не сквозь небесную водяную толщу. Сами небеса тогда станут голубыми, а не серыми, как сейчас, а солнце будет огненного цвета. Жаль только, говорил отец, что тогда уже никто, кроме орлов, не отважится смотреть на него прямым взглядом — людям придется беречь глаза. От благодатного светила, дарующего тепло и свет, и вдруг беречься? Это казалось странным, даже нелепым, но так говорил отец, а ему сказал Создатель.

Ной еще добавил, что не только дневное небо, но и ночное станет другим: кроме одинокой луны по ночам на небе будут видны и другие светила, называемые «звездами», и этих «звезд» на небе появится неисчислимое множество. А сама луна будет видна так четко, что можно будет разглядеть ее края, сейчас едва угадываемые в тумане. А еще на ней станут различимы лунные долины и горы. Вообразить такое чудо совершенно невозможно, остается только ждать! А ждать осталось совсем недолго, всего сто дней. Слушая с увлечением рассказы отца о будущем небосводе и вообще о земле после Потопа, часто хотелось воскликнуть: «Такого

просто не может быть!»), но в семье Ноя знали: именно так все и будет, потому что так говорит отец, а ему это еще раньше рассказал Творец.

Серая гладь моря тоже переливалась жемчугом, отражая низкий купол неба, подсвеченный солнцем с той стороны небесной водяной тверди. Сим долго просидел на своем бревне, погрузившись в раздумья; море все это время постепенно отступало, и теперь даже самые резвые и озорные волны уже не касались его босых ног, а отходили с каждой откатной волной все дальше и дальше — отлив продолжался.

Стояла глубокая и теплая тишина, оттеняемая лишь едва слышным шелестом оседавших на сушу и на воду капель небесной влаги, глазом почти неразличимых, но постоянных и обильных. Как же премудро было устроено Творцом, что влага, испаряясь с поверхности рек и морей, собиралась на небе плотным слоем и разглаживалась воздушными потоками, распределяясь по всему небосводу, и только после этого равномерно осыпалась на землю. А иначе как бы всем растениям земли досталось влаги поровну? У одних, растущих возле водоемов, ее было бы в избытке, а другим и вовсе не хватило бы.

Так, размышляя о том, о сем, Сим все смотрел и смотрел на жемчужину, похожую на яйцо какой-то неизвестной, не учтенной в Списке птицы.

Вот и наш земной мир похож на яйцо-жемчужину, думал он. Мы находимся внутри него, под скорлупой неба, и живем на поверхности плотного желтка — самой земли; а воздух, в котором мы существуем, похож на мутноватый питательный белок. Яйцо наше огромно, внутри него живут тьмы растений, животных и многие-многие тысячи людей, но мир за пределами нашего яйца еще огромней. Там есть и другие планеты, пригодные для жизни, но Господь избрал для людей одну только вот эту планету, называемую Землей. Скоро уже скорлупа расколется, и человечество вылупится из яйца. Все будет новое. И люди будут дивиться этому новому и привыкать к нему. Если вылупятся живыми... Отец говорит, а ему сказал Творец, что человечество опасно больно и не выживет в новом мире, если не успеет покаяться и измениться в этом. Человек должен вернуться в свое естественное состояние. И не только люди больны, но и животные, и растения, и вода — весь земной мир болен из-за непослушания человека Богу! И чтобы омыть, очистить землю, понадобится Потоп. А спасутся немногие. Из животных и растений для новой жизни пригодны только те, на которые указал Творец. Вот для этого отбора и существует Список.

Зато из людей спастись в Ковчеге могут все, кто только пожелает, сколько бы их ни было. Лишним не будет ни один человек! Но войти в Ковчег можно только через покаяние: тот, кто не признает себя больным, излечиться не может. Так говорит отец, а ему сказал Творец.

Каждый вечер Ной восходит на особое возвышенное место неподалеку от берега и говорит проповедь людям, призывая их подумать о своих грехах и предлагая всем покающимся место в Ковчеге. Но каяться пока еще никто не захотел. Даже те, кто помогает им строить Ковчег, не вняли проповеди Ноя! Никто за все сто двадцать лет... А к холму последние годы уже никто не приходит: ни для того, чтобы послушать проповедь Ноя, ни даже чтобы посмеяться над ним. Но еще оставалась Динка...

Сим встал, перешагнул бревно и сел спиной к морю и Ковчегу, а лицом к прибрежным дюнам и утесам. На самой крупной из каменных громад возвышался Динкин «Ковчег». Нет, вовсе не в насмешку она дала такое название своей гостинице, и братья зря на нее обижаются! Просто жизнь научила ее быстро соображать там, где она видела выгоду. А в те годы, когда она строила свою гостиницу на утесе — вон том, с плоской вершиной и пологим спуском в сторону города, люди целыми толпами приходили и приезжали на побережье специально для того,

чтобы послушать Ноя. Вот она и назвала свою гостиницу «Ковчегом» и не прогадала: из всех гостиниц побережья туристы предпочитали именно эту, а привлекало их как раз ее название. «Это лучшая моя реклама!» — говорила Динка. Она еще выстроила на крыше павильон-ресторан, очертаниями сходный с настоящим Ковчегом. Деревянные «борта» из досок достигали уровня столиков, а выше шли ряды красных тисовых столбов, которые Динка нахально выдавала за гоферовые. На столбах-колоннах лежал навес из прозрачного пластика, покрытого папоротниковыми листьями. На крыше задерживалась влага, огромные папоротниковые вайи начинали гнить, их приходилось часто менять, чтобы в павильон-ресторане всегда был уютный зеленый свет. Но у хитрой хозяйки «Ковчеха» все было предусмотрено: папоротниковая роща росла как раз за скалой, и Динкины работники нещадно ее обдирали. Посетителям нравился и зеленоватый свет на крыше, и то, что они могли, сидя за столиками, наблюдать за строительством Ковчеха на берегу. Впрочем, все это он знал со слов Динки, а сам он на скалу никогда не поднимался, хотя она и приглашала, и уговаривала, и заманивала...

А вот и сама Динка, легка на помине! Она резво, как девчонка, почти вприпрыжку спускалась по крутой, но широкой лестнице, специально по ее заказу вырубленной в утесе: для спуска к морю. Взрослая дама, владелица богатейшего на побережье отеля, завидев его на берегу, несется вниз по лестнице, перепрыгивая через ступени!

Лестница спускалась со скалы, плавно извиваясь, и каждый изгиб ее заканчивался широкой площадкой со скамьями для отдыха и большими цветущими растениями в каменных кадках. На невидимой Динке площадке двумя пролетами ниже сидела большая стрекоза, сверкая огромными, с праздничную чашу, опаловыми глазами. Сим хотел крикнуть Динке, чтобы она остереглась: испуганная стрекоза может здорово покусать, но Динка и сама разглядела опасную тварь в просвет между кустами. Она остановилась, заложила в рот пальцы и пронзительно свистнула. И, конечно, спугнула злое насекомое! Разъяренная стрекоза сделала над ней угрожающий круг, но напасть не решилась, свернула в сторону и, громко треща крыльями, скрылась в папоротниковой роще.

Динка спустилась до самого низа лестницы и побежала по дорожке между дюнами, то пропадая за ними, то снова оказываясь на виду. Она и сама была похожа на стрекозу в своем коротком переливающимся плаще, развевающимся за спиной...

— Привет, Симка! — Динка поцеловала его с разбега и уселась рядом на бревне.

— Привет, Динка! Что тебя так долго не было?

— Ремонт делала в ресторане. На той неделе посетители устроили роскошную драку: три колонны снесли и в щепки разломали, ну, навес с одного края и рухнул. Пять клиентов насмерть, двенадцать раненных! Вот это рекорд, а? Теперь от посетителей отбоя нет, все хотят посмотреть на место происшествия, на новые колонны и представить, как это было. А у вас, ковчезников, как дела?

— Работаем. Ведь уже через сто дней отплытие.

— Ой, да ладно тебе, Симка! Дедушка Ной сто двадцать лет, а не сто дней разглагольствует об этом вашем Потопе, а Ковчег и ныне там, — она кивнула в сторону настоящего Ковчеха. — Сам стал шутком и семью превратил в посмешище. Стыдно кому-нибудь сказать, что я сама когда-то к ней почти принадлежала...

— Ты сама-то об этом не забыла, Динка?

Динка помотала головой.

— Нет, Сим, не забыла. Ты и сейчас мне как брат. Я помню, как ты кричал, как тебя держали за руки, чтобы ты не бросился за мной. А Ной... Он стоял с опущенной головой, и ему, наверно, было меня жаль, только он все равно ничего не сделал.

— Дина, будь справедлива: отец не знал, чем обернется для тебя встреча с матерью! Ведь это была твоя родная мать — как он мог не отдать ей тебя? — Сим обнял Динку, привлек ее к себе и легонько поцеловал в макушку. — Неужели ты его винишь в том, что потом произошло с тобой, Дина?

— Да, виню, — прошептала Динка, утыкаясь ему в плечо. — Я никогда, слышишь, никогда не смогу его простить! — и она заплакала обиженно и горько, как ребенок. Сим тяжело вздохнул и крепче прижал к себе подругу.

Шли минуты, Сим молчал, только гладил ее по голове, и Динка, понемногу успокаиваясь, стала всхлипывать реже.

— Сим, а если пройдут эти назначенные Ноем сто дней и ничего не произойдет, ты уйдешь от отца?

— Нет, Дина, не уйду.

— Почему? — спросила она, поднимая голову.

— Да потому что, если отец сказал, что Потоп начнется через сто дней, значит, так оно и будет. Он не сам выдумал эти сроки, ему их назвал Творец.

— Ну, а если все-таки никакого Потопа не будет? Может же твой отец ошибаться?

— Отец, наверное, может, но никак не Творец.

— Ох, как мне надоели эти разговоры про Творца, которого уже давным-давно никто не видел! — Динка вскочила и стала прохаживаться взад и вперед перед Симом, оставляя четкие следы узких туфель на мокром песке.

— Отец слышит Его постоянно, — тихо сказал Сим.

— Это он так говорит!

— Дина! — воскликнул Сим и с упреком посмотрел на нее.

— Ну да, Ной никогда не лжет, кто ж спорит! А вот что если Ною только кажется, что он слышит Творца?

— Ты хочешь сказать, что мой отец безумен?

— Нет, вообще-то Ной, конечно, мудрый и всякое такое... Но ведь он очень старый, да еще и со странностями!

— И с этим не соглашусь. Отец мой — самый нормальный человек из всех, кого я знаю.

— Тогда выходит, все остальные ненормальные?

— Ты сказала.

— Ох и упрямая же вы семейка!

— Да ведь и ты. Дина, почти что член нашей семьи, поэтому и в тебе упрямства на пятерых!

— Да, чего-чего, а этого во мне хватает. Хотя в детстве я, наверно, не была такой целеустремленной и настойчивой, как сейчас.

— Упрямой, Дина, просто упрямой!

— Нет, упорной, сильной и самостоятельной — вот какой! И я этим горжусь. Это жизнь меня так воспитала. А ты, Симка, ты просто послушный сын своего отца! Ной тоже одного только Творца слушает...

— Отец слушает всех, но слушается одного только Господа своего.

— А почему Его надо слушаться, скажи, пожалуйста? Ну да, Он создал этот мир и нас, людей, и кой-кого получше нас — всяких ангелов, темных и светлых. И еще всех животных и все растения — с этим и наука не спорит. Но ведь и сам Ной говорил нам, детям, что после этого Создатель «опочил» и о людях больше не заботится!

— Что «не заботится» — этого отец не говорил.

— Ладно, — согласилась Динка, продолжая сердито прохаживаться перед Симом, — пускай не говорил Ной про Бога, что Тот о нас не заботится! Иногда Творец в самом деле с кем-то из людей встречается и разговаривает, это всем известно, поэтому я не удивлюсь, если Он и к Ною постоянно приходит и говорит с ним. Потому что мало кто, кроме Ноя, в наше время станет Его слушать. Кому это интересно, если наука без всякого Бога делает все новые и новые открытия и творит чудеса? Наука такие тайны вселенной открывает, о которых любимый ваш Творец почему-то даже Адаму не намекнул!

— Мы не знаем, о чем беседовали Адам с Богом, — сказал Сим.

Динка внимательно на него посмотрела и снова села с ним рядом на гоферовое бревно.

— Ну, согласишься, Сим, что наука уже раскрыла много такого, что Творец утаил от людей, — продолжала она уже гораздо спокойней. — Знаешь, может быть, Он и сам не предвидел многих возможностей природы и человека. Ну, вот хотя бы то, что все живое может рождать не только себе подобное, но и вовсе даже бесподобное — это я про геенную инженерию. Разве Творец озаботился дать нам запасные органы на смену больным или одряхлевшим? Нет, их нам дала наука — геенная медицина. А геенная биология? Какие удивительные свойства благодаря ей приобрели овощи и фрукты!

— Ну да, утратив вкус и полезность, они зато могут сохраняться годами.

— Вот видишь! Наверняка даже твой отец планирует взять в плаванье геенно измененные овощи фрукты.

— Вот уж нет! — возразил Сим. — Мы собираемся взять с собой только натуральные продукты, то есть те овощи и фрукты, которые выращены и улучшены естественным путем. Да мы и сейчас только такие употребляем в пищу.

— Дело ваше, у вас ведь все не как у людей. А человечество развивается своим путем и в няньках, то есть в руководстве Бога, больше не нуждается! К тому же ученые начали сомневаться, действительно ли это Творец создал мир и человечество, не зародились ли они сами по себе, просто по законам природы? А есть и еще более смелая теория, будто мир и человек в мире созданы даймонами, бывшими ангелами, отпавшими от Творца ради творческой свободы!

— Это уже полный и отвратительный бред, — пожал плечами Сим.

— Не согласна! В этом определенно что-то есть. Даймоны, по крайней мере, искренне интересуются человечеством и общаются не с избранными праведниками, как Творец, а со всеми подряд, кто готов выйти с ними на связь, не отвергая ни мужчин, ни женщин, ни детей. Вон за морем живет и процветает целая страна каинитов, которым постоянно помогают даймоны. А самые умные из сифитов женятся на каинитках и производят нефилимов и рефаимов, а это — люди будущего! — И добавила мечтательно: — Вот бы туда попасть!

— Совсем с ума сошла, — покачал головой Сим. — Динка, ну что ты такое несешь? Зачем тебе то каиниты и их проклятое потомство? Ведь это от них все зло на земле!

— Да ладно, не кипятись: у меня все равно таких денег нет и не предвидится, чтобы попасть на Тот берег.

— Вот и слава Богу.

Помолчали. Потом Дина вновь вернулась к прерванной теме.

— В общем, я хочу сказать, что каждый выбирает себе теорию происхождения по вкусу. Ты можешь верить в Бога Творца, если уж тебе хочется идти по стопам отца, и я тебя понимаю и не осуждаю: для вас это истина. Но люди предпочитают другие теории. Было бы разумно и тебе с ними познакомиться.

— Зачем же изучать заблуждения, если тебе известна истина? — спросил Сим.

— Да чтобы быть в курсе исканий человеческого ума! Для общего развития хотя бы, темный ты человек! Надо ведь быть терпимым к тому, что думают и говорят другие люди.

— Ты у нас очень терпима, Диночка! — засмеялся Сим. — Ты кричишь на каждого, кто только рот откроет, чтобы возразить тебе.

— Скажешь тоже... Я кричу, конечно, на свой персонал, но ведь с ними иначе нельзя, они все лентяи и ворюги. А щенибудь в обществе я очень даже терпима к чужому мнению: пусть все говорят что хотят, мне и дела нет до чужих взглядов, лишь бы люди ко мне хорошо относились. А они хорошо относятся как раз к тем, кто с ними соглашается или делает вид, что готов согласиться.

— Дина, а ты что, сама больше не веришь в то, что Господь создал этот мир и человека в нем?

Сим повернулся к ней и заглянул в глаза.

— Разве это так важно? — потупившись, спросила Динка. — Ну ладно, я скажу, что я об этом думаю. Пусть Бог действительно создал этот мир и нас, людей, но ведь это еще не повод позволить Ему командовать созданными Им людьми! Мало ли кто кого создал... Этак все родители захотят своими детьми руководить, и что это будет за жизнь? И главное, кому она

такая нужна? Мне — точно нет. Отец у меня, к сожалению, был человек, а не даймон, не то бы я тоже жила за морем, как живет Золотой миллион нефилимов и рефаимов. А вот мать я Хорошо помню, жила с ней до пятнадцати лет. Ох и редкостная была стерва! Дни считала, когда можно будет избавиться от дочери законным образом, после того, как получила от меня то, ради чего меня разыскивала, — мою левую почку. Впрочем, и я за мать особо не держалась. Да ну ее, чего это мы о ней вспомнили?

— Это ты о ней заговорила, Дина.

Динка решила резко переменить тему.

— Забудем о ней. Так ты говоришь, Ной собирается в плаванье через сто дней?

— Да, уже через сто дней...

— И ты с ним?

— Конечно.

— А ты помнишь, о чем мы говорили в прошлый раз?

— Помню.

— Ты, в общем, Симка, решай! Либо бросай всю эту ковчезную мутотень, либо прощай, Сим, брат мой названный! Оставил бы ты своих и пере ходил жить ко мне. Дурочку свою Лию можешь взять с собой, она мне не мешает. Мы с тобой вдвоем можем так развернуться по всему берегу, Сим, что конкуренты от зависти сдохнут! Есть у меня такой план. А пока и доверить этот план некому, верного человека у меня нет, кроме тебя: стоит только отвести глаза на минуточку — все разворуют! Да и прямо на глазах тащат... Не успеют поставщики подвезти строительный материал и сгрузить его, как штабеля начинают таять, даже если на стройке выходной день. Ну все унести готовы, буквально все! Унесут — и мне же потом продать норовят.

— Никак ты меня в сторожа хочешь определить, Дина? — засмеялся Сим.

— Ну что ты, брат! Ты станешь главным управляющим моего «Ковчега». Ты, Симка, конечно, фантазер, ты мне столько водорослей на уши навешал за последние сто лет, что ими можно для всей гостиницы матрасы набить. Но ты никогда меня не обманывал, никогда! Вот это — нет. Ты честный и ответственный, а эти два качества теперь среди людей почти не встречаются. И работать ты уме ешь, я же вижу, как ты вкальываешь каждый день. Сейчас мало кто готов трудиться как следует даже ради денег: все хотят их либо даром получить, либо украсть. Вот я одна и бьюсь-кручусь в деле, как одинокая пчелка...

— Как стрекоза ты вьешься, Динка! — засмеялся Сим. — Вьешься, сверкаешь, там одно ухватишь, там другое подхватишь — и всегда что попало, лишь бы поярче... Смотри, как бы крылышки не замочить!

— Не бойся, не замочу! — засмеялась Динка. — Жить так и надо — ярко, дорого и с блеском, со вкусом и риском!

— А хочешь, я тебе покажу что-то по-настоящему прекрасное и дорогое?

Сим поднес сжатую в кулак руку к самым глазам Динки и раскрыл ее. На ладони его лежала

найденная вчера жемчужина. Динка громко и восхищенно воскликнула:

— Какая красота!

— Хочешь, я подарю ее тебе?

Динка замотала головой и вытерла выступившие слезы.

— Нет! Я понимаю, что значит такой дорогой подарок и не могу его принять. Ох, Сим, ну почему это с тобой у меня вечно слезы у самых глаз? Вообще-то я уже давно никогда не плачу.

— Наверное, потому, что только со мной рядом ты и есть настоящая, искренняя и простая Динки корзинка.

— Ну вот, опять...

И она заплакала, и Симе снова пришлось ее утешать.

* * *

Из дневника Дины:

...Симка сказал, что жемчужина, которую он мне сегодня показал, может стать моей, если я захочу. Я бы хотела, конечно, — кто бы не захотел? Жемчужина эта чуть меньше голубинового яйца, она и по форме как настоящее яйцо и абсолютно без единого пятнышка или изъяна. Если продать ее с умом, на эти деньги можно было бы построить коттеджи для туристов по всему берегу, и каждый с маленьким садиком. Но Симка все напоминал мне, что до отплытия Ковчега осталось всего сто дней, а это все равно как если бы он прямо сказал: «Динка, соглашайся на отплытие с нами в Ковчеге, и жемчужина — твоя!» Я знаю, он очень хочет, чтобы я согласилась плыть вместе с ними. Конечно, я могла бы ему сказать, что согласна, но только после того, как разверну свое гостиничное дело на все побережье. А на это и впрямь пригодилась бы его жемчужина. Но и трилобиту ясно, что за сто дней такое строительство не осилишь, Симка тоже не дурак. Ох, вот бы мне его облапошить, но так, чтобы не обманывать! Не выходит у меня из головы эта жемчужина... Если ее продать, то можно и впрямь развернуться по всему берегу, насколько хватит взгляда.

А еще мне ужасно хочется отправиться в путешествие по морю — на Тот берег, поглядеть, как там живут сифиты, женившиеся на каинитках, и их дети нефилимы — великаны, обладающие страшной физической и ментальной силой. Говорят, это что-то жуткое и восхитительное, хотя люди видят их редко. Но зато с гвардейцами-рефаимами там ветре шиться может любой, они там порядок охраняют и просто так по улицам ходят. Тот берег — вершина нашей цивилизации. Ах, как меня туда тянет!.. И отправлюсь я не на дешевом скороходике, на каких ездят торговцы, а на большом тихоходе — с оркестром, рестораном, бассейном и девочками-мальчиками для развлечений. Чтобы в путешествии отдохнуть как следует, а уж, на Том берегу не отвлекаться на развлечения и талка изучать настоящую жизнь. Набраться информации и впечатлений, чтобы потом все обдумать. Есть у меня мыслишка одна заветная: развернуть свое дело как следует, сделать хорошую рекламу, а потом все продать с хорошей прибылью и отправиться на Тот берег на постоянное место жительства, доживать свои два-три века в комфорте и уюте, ни в чем себе не отказывая.

Но придется мне все-таки набраться терпения и просто выждать эти сто дней, а там посмотрим... Это я не только о жемчужине, конечно, но и о Симе.

Симка, Симка! Ну па что ты мне сдался, почему я никак не могу отвязаться от тебя? Ведь у нас по-настоящему ничего никогда не было, это же простая детская дружба: жили когда-то рядом, вместе играли, вместе росли, и ты мне был как брат. Ты один не хотел меня отпускать, когда за мной приехала мать, ты даже пытался спорить с нею, а потом, когда мы уже тронулись в путь, вырвался из рук родни и долго бежал следом за колесницей! Мать крепко держала меня, а я все смотрела на тебя. А ты не останавливался, но становился все меньше и меньше — быстрая была колесница, шесть ящеров ее везли...

Вот я сижу за столом, делаю записи в своем дневнике и поглядываю на берег — а там на мелководье стоит этот их Ковчег, нависшая над берегом нелепейшая громадина, и мне хочется в голос ругаться и хохотать над стариком Ноем и над всем его несчастным семейством, столько лет посвятившим этому воняющему смолой Ковчегу. В котором, между прочим, даже электричества нет! Они пользуются масляными лампами, как в древности! Интересно, как же Ной собирается на нем плавать, если у этой, прямо скажем, грандиозной посуды нет ни двигателя, ни руля, ни печки, ни кухни? Бедная добрая Ноэма с невестками готовит еду под навесом на берегу. Какое убожество! И как же они будут питаться во время плавания? Нет, я должна хотя бы Симку спасти от этого безумного заблуждения — веры в Творца и Его Потоп! Я бы его с радостью совратила, только вот упрямый Сим почему-то никак не совращается, хранит верность своей скромной и простоватой Лие.

И чем же, Дина моя драгоценная, он так привлекает тебя, этот Симка, кроме того, что из него вышел бы прекрасный управляющий ТВОИМ «Ковчегом»? Рожа сонная примитивная — каким уродился, таким и ходит уже сто двадцать лет, без единой «личной операции»! Только ростом стал выше да борода появилась. Вместо нормальной одежды носит какую-то хламиду из полотна — натурального полотна, сотканного из волокон растений! Убожество полное. Он утверждает, что это гораздо здоровее современной одежды. Ну да, как же! Здоровая одежда — это та одежда, которая тебе самому нравится и у других вызывает восторг и зависть. Ну вот как моя, например. Я, между прочим, на одежду трачу десятую часть того, что мне приносят гостиница и ресторан, а Сим свою хламиду носит уже лет десять, не меньше. Снимет одну хламиду, отдаст жене, а сам другую наденет, точно такую же. Лия ему старую одежду выстирает прямо в море, высушит у костра — и он снова ее надевает. Ужас!

Кстати, пора сдать белье прачкам. Ох, опять забота! Когда я смогу использовать в гостинице одноразовое белье, чтобы не тратить время на организацию стирки? Но бумажное белье стоит так дорого...

24 комплекта постельного белья

50 банных полотенец

36 скатертей со столиков

300 столовых салфеток

100 кухонных полотенец

10 занавесок

Ох, сколько же можно всего купить и построить на ту жемчужину!

* * *

На третьем, жилом этаже Ковчеха было единственное, но зато очень большое окно,

расположенное на скате крыши и выходящее в сторону моря, имевшее ставни на крепких засовах. Ставнями пока не пользовались, поэтому в общей комнате было светло до самого вечера. Только под самым потолком, посередине, где к тавровой балке сходились стропила крыши, было темновато, но эти тени были уютные, домашние.

Ноэма и ее старшая невестка Лия сидели под самым окном и что-то шили, каждая свое.

— Как ты думаешь, Лия, — спросила Ноэма, — удастся Симу уговорить Динку плыть с нами?

— Я плохо знаю Дину, я ведь с ней никогда и не разговаривала. Но, зная моего мужа, я надеюсь, что у него это получится, матушка.

— Можно я о чем-то спрошу тебя, доченька?

— Да. Спрашивай, матушка.

— Скажи, а ты никогда Сима к Дине не ревновала?

— Ну что ты, матушка! Он любит Дину, но так, как любят и жалеют бедного заброшенного ребенка или найденного в лесу поранившегося зайчонка. А меня он любит как женщину, как половину самого себя — ведь мы с ним одно целое. Между нами нет щелочки шириной в волос, чтобы в нее могло протиснуться какое-то другое чувство.

— Вот так было всю жизнь и между мной и Поем — ни на волос свободного, не заполненного друг другом пространства. Я очень рада за вас, доченька.

— Спасибо, матушка!

— А Дина и впрямь похожа не на сверкающую стрекозу, как она о себе думает, а на бедного потерявшегося зайчонка. Она несчастна, хотя вряд ли сама об этом догадывается.

— Вы с ней так и не разговариваете?

— С тех пор, как мать увезла ее от нас еще девочкой, мы не разговаривали ни разу. Больше пятидесяти лет мы просто о ней ничего не знали, а с тех пор, как она появилась на берегу, прошло уже тоже лет пятьдесят. Однажды она появилась и сразу стала строить свою гостиницу напротив Ковчега. Но она ни с кем, даже с Ноем, ни разу не заговорила. Только с Симом.

— Наверное, ей было очень плохо без вас.

— Не знаю, милая... А не пора уже подавать на стол?

И Ноэма стала складывать свою работу.

— Я помогу, матушка.

* * *

— Отче! — обратился Хам к отцу после благодарственной молитвы за ужином. — Ты сказал, осталось сто дней. Неужели ты и в эти последние дни будешь каждый вечер выходить на проповедь?

— Да, сынок. Вот сейчас и пойду.

— Но ведь никто больше не приходит даже посмеяться над тобой! Отче, ты трудишься больше всех нас, ты так устаешь за день — почему бы тебе не перестать говорить в пустоту?

— Потому что мне так повелел Творец: пока есть надежда спасти хотя бы одного человека, я должен говорить.

— Хотя бы одного человека! — горько усмехнулся младший сын Ноя. — По-моему, остался всего один человек, который слушает о Потопе, да и то не тебя, а Сима.

— Да, Дина, слава Создателю, слушает Сима, и в этом надежда.

— Неужели, отче, если Динка захочет плыть с нами, ты ее возьмешь в Ковчег?

— Если она покается в грехах, признает Творца своим Отцом и захочет плыть с нами — возьму с великой радостью.

— Да ведь она грешница! Дина сама шлюха и дочь шлюхи! Разве подобным женщинам есть место в будущей жизни? Да и в Ковчеге, рядом с нашими женами...

— Не будь скор и горяч на осуждение, сынок. Кто из нас не грешен? Господь за покаяние простит и омоет Дину от грехов, и станет она так же чиста, как наши беспорочные голубицы Лия, Ассия и Фамарь. — Ной улыбнулся невесткам, как раз проносившим мимо них подносы с убранной со стола посудой к лестнице: мыть посуду женщины спускались на берег. Он подождал, пока они скрылись одна за другой в лестничном люке, и тут же снова заговорил с младшим сыном, но уже о другом.

— Послезавтра с утра вам троим надо отправиться с караваном в Альву за фруктами.

— Отче, я только что начал разборку новой партии птичьих яиц. Может быть, мне стоит остаться? — Хам недавно женился, и необходимость расстаться с молодой женой Ассией, да еще так надолго, ему была словно острый нож в сердце.

— Сынок! В Альве будет много работы, ведь этот караван, возможно, будет последним. Да и если бы можно было кого-то из вас оставить дома, я бы оставил Сима.

— Из-за Дины?

— Да, из-за Дины. Никто не знает, в какой день ее разум откроется словам Сима, но такой день может наступить внезапно и пропустить его никак нельзя.

Хам вздохнул и поднялся.

— Хорошо, я еду в Альву. Благослови, отче!

— Бог да благословит тебя, сынок.

* * *

Ной поднимался по ступеням старой деревянной лестницы, ведущей на холм. Еще лет двадцать тому назад лестница имела крепкие перила, но теперь они разрушились и кое-где даже упали на землю: он поднимался, опираясь на посох. Кедровые ступени тоже начали подгнивать, и посох то и дело проваливался и застревал в рыхлой влажной древесине. Надо было просмолить ступени, но тогда, в начале его выхода на проповедь, это казалось неважным, да и силы всей семьи и нанятых работников уходили полностью на строительство остова Ковчеха — самую

трудную и сложную часть работы. Изредка ставшие опасными ступени менял кто-нибудь из сыновей, но в последние годы Ной все как-то забывал им об этом напомнить, а сами они на холм вместе с ним уже давно не подымались.

Медленно, не спеша, часто останавливаясь, чтобы отдышаться, всходил он наверх. Это не годы сказывались — что такое шестьсот лет здоровой жизни! — это воздух на земле изменился, стал труден для дыхания: за последний год он на столько перенасытился влагой, что, казалось, его можно выжимать как губку. Это и по ступеням лестницы было заметно — с такой скоростью они теперь разрушались.

Ной взошел на вершину холма и остановился на площадке, нависшей над обрывистым краем склона, обращенного к городу. Вместо перил здесь была сооружена высокая, по пояс Ною, каменная ограда. Он подошел к ней, прислонил к ней посох и оперся на нее руками. Небольшая долинка под холмом была теперь пуста, только груды мусора остались от былых времен, когда на его проповедь приходили семьями, приносили с собой еду и напитки: его проповеди тогда были традиционным развлечением горожан. Многие приезжали издалека, чтобы послушать его, удивиться и посмеяться. Здесь же устраивали пикники, пели песни, танцевали, блудили...

Иногда кто-то подходил ближе других к подножию холма и, казалось, внимательно его слушал. Некоторые из этих слушателей задавали ему вопросы, спорили с ним, что-то ему доказывали. Ной внимательно выслушивал спорщиков и потом отвечал им уважительно и подробно, а если он попадал в затруднение — Бог подсказывал ему ответы. Как просто проповедника нового взгляда на мир и на Творца некоторые думающие люди еще готовы были его воспринимать, но никто из них не оставался, чтобы послушать проповедь Ноя и на следующий день.

Но по мере того, как Ковчег на берегу поднимался и все больше приобретал свой нынешний вид — вид не корабля, а большого, чуть мрачноватого трехэтажного здания из темно-красных толстых досок, да к тому же еще стоявшего на отмели, приходившие его послушать все чаще склонялись к тому, что Ной безумец и дело его безумно. Уж если он надумал плыть по морю, почему же он не построил свой дурацкий корабль возле гавани, где его можно было бы скатить на глубину по настилу? Над Ноем и его сыновьями смеялись и глумились. Сколько он прослушал песенок про «старикашку Ноя, задумавшего плыть по песку в красном доме»! А молодежь пошла еще дальше и много раз Ковчег пытались спалить — просто так, смеха ради. Вместе со всем семейством Ноя и их домашними животными, жившими в ковчеге с хозяевами. Но Господь хранил своего праведника — ни один факел так никогда и не долетел до Ковчега, а пытавшиеся подобраться к нему поближе просто увязали в песке, начинали в нем тонуть, пугались и спешили выбраться из воды и вообще убраться подальше от берега. Сам же Ной и его жена, сыновья и невестки спокойно ходили по влажному прибрежному песку, как по твердой суше.

Ной стоял на вершине холма и смотрел на город, раскинувшийся по дальним холмам. Сквозь дымку он видел, как над городом летали упряжки крылатых ящеров, носивших по воздуху легкие люльки с пассажирами. Взлетали в небо воздушные шары с корзинками, и в них тоже сидели люди. Но никто уже не летал в сторону берега — Ной и его дела стали горожанам попросту неинтересны. Люди веселились как обычно. В воздух взлетали стайками небольшие воздушные шарики, с такого расстояния казавшиеся горстями подкинутого чьей-то гигантской рукой разноцветного горошка, потом горошины взрывались, разбрасывая разноцветные искры. Ной знал, что самое веселье начнется к ночи, но сюда музыка, взрывы праздничных шаров и шум города не долетят: влажный воздух гасит все звуки. Хотя расстояние было совсем небольшим, Господь берег своего праведника от назойливой суеты.

Ной стоял и смотрел на пестрый город, и сердце его переполняла печаль. Она копилась, копилась и наконец хлынула слезами. Ной не произносил слов, он просто плакал, глядя на город. Только шептал иногда: «Бедные! Несчастные люди!» Наконец он изнемог от слез, пал на колени и возопил мысленно: «Господи! Приведи к спасению хотя бы сто грешников со всей земли! Пожалей их и нас! Избави мою семью и меня от грядущего одиночества!» Но Господь не отвечал, и в молчании этом была великая печаль.

Ной еще долго плакал. До тех пор, пока на берег не пала тьма, а город не загорелся разноцветными огнями. Тогда Ной поднялся с колен, взял свой посох и стал понуро спускаться по мокрым ступеням. Идти вниз было еще тяжелее, чем подыматься наверх.

* * *

Назавтра, сразу после рассвета, Сим и Динка снова сидели на своем бревне у воды и, конечно, опять спорили!

— Отец велел мне ехать с братьями в Альву, — спокойно, без тени жалобы сказал Сим.

— Неужели тебе хочется гуда поехать, в это дикое место?

— Отец сказал, что это, возможно, последний фруктовый караван, и мне хочется проститься с Альвой, ведь там прошло мое детство. Да и твое тоже, Дина...

— Девчонкой я считала Ноя и Ноэму отцом и матерью, а тебя и твоих братьев родными братьями, пока не появилась моя настоя... Хотела сказать «настоящая мать» — только какая же она настоящая?

— Теперь почти все матери такие, Дина.

— Да нет, совсем не такие! Никто не отбирает для себя органы у живых детей! Отдать эмбриона в Банк Жизни — это одно, а взять для себя органы у рожденного уже ребенка — это совсем другое, не так ли?

— Какая разница, Дина? Рожденные или вынутые из чрева до рождения — это все равно их собственные дети.

— Гадости ты говоришь, Сим!

— Нет, Дина, я говорю не гадости, а о гадостях.

— Не обижайся, но вы все-таки одичали за годы жизни в своем Ковчеге и окончательно отстали от современности. Вы не понимаете последних достижений науки. Это не преступление — отдать часть своей беременной плоти в банк на сохранение, чтобы на случай надобности иметь свои собственные запасные клетки и ткани.

— Ребенок, даже только что зачатый — это не кусок материнской плоти, а отдельная личность, человек. Пусть еще и совсем маленький.

— Замолчи! Это просто кусок моего мяса! — вскричала Дина, вскакивая с места и сбрасывая с плеча руку Сима.

— Дина, так ты... Ты тоже сдала своего нерожденного ребенка в Банк Жизни, в это ужасное хранилище детских трупиков?

— Да, сдала! Потому что я не хочу рожать, когда и самой-то жить так страшно! — В голосе Динки звенели яростные слезы. — Потому что в старости и мне, как всем нормальным людям, понадобятся омолаживающие клетки! А если я заболēju или попаду в катастрофу, где я возьму ткани и органы на починку? У меня нет таких денег, чтобы купить чужие, которые мне еще станут подгонять за безумные деньги!

— Динка, замолчи, прошу тебя...

— Да не буду я молчать! — крикнула Дина. — Вы ненормальные, вся ваша дурацкая семейка! То нельзя, это нельзя!.. Идиоты и мракобесы! А ты еще пытаешься учить меня жить? Да меня давно тошнит от ваших проповедей по каждому поводу и от вашего Ковчега! Сто дней до Потопа... Да твой отец и через сто дней не успокоится, он ведь фанатик! Раз Творец обещал ему Потоп, так он и через его лет будет сидеть на берегу возле сгнившего Ковчега и ждать Потопа, бедный старикан... А Ноя сбивает с толку еще более древний старик — Сам Творец! Подумать только, нашел кого слушать!

— А кого же еще стоит слушать? — сказал Сим рассеянно: он все еще не мог увести мысли от страшной новости, которую ему только что, почти мимоходом, к слову, сообщила Дина. Его сестричка, его маленькая Динка, которую так страшно использовала родная мать, и сама тоже позволила врачам извлечь из нее нерожденное дитя, заморозить его и сдать на хранение в Банк Жизни. Наверняка она еще и деньги за это заплатила врачам... Он чувствовал себя каким-то выпотрошенным, опустошенным, как будто из него самого вынули и унесли куда-то часть его сердца. Он даже сердиться на Динку не мог, так ему было плохо...

— Дина, ты сядь, — попросил Сим. — Мне неудобно, что ты стоишь передо мной, я ведь ненамного старше тебя...

Динка фыркнула, но послушалась и села. А сев, ощутив его рядом, она почувствовала, как больно Симу, и обняла его.

— Ты все равно мой брат! — шепнула она.

— И ты все равно моя сестра, глупая такая сестренка и несчастная... — сказал Сим и наконец заплакал.

* * *

Из дневника Дины:

...Я не спала всю ночь. Переворачивала, взбивая кулаками, подушку и каталась с боку на бок, как жемчужина на ладони Сима — ну не выходила она у меня из ума и не выходила! И его слова о том, что я остаюсь его сестрой, несмотря ни на что. А если так, то...

И под утро я решила. Надела на себя самое скромное свое платье, еще в темноте осторожно спустилась по лестнице, уселась на нижней ступени и стала поджидать Сима.

Он, как всегда, появился перед самым рассветом. Подошел, сел рядом. Поглядел на меня, понял по моему мрачному и нездоровому виду (я нарочно не накрасилась), что со мной что-то не так, и спросил:

— Что-нибудь случилось. Дина?

— Ах, не спрашивай!

— И все-таки?

Вместо ответа я печально склонила голову. Он сел рядом со мной, приобнял, привлек к себе и сказал строго и ласково:

— Рассказывай все как есть!

— Да что рассказывать-то, Сим? Все мои проблемы уместаются в одно слово — долги.

Между прочим, я не солгала ему ни капельки, потому что как раз неделю назад взяла большущий кредит на постройку первой серии коттеджей и постоянно ломала голову, как я буду теперь его выплачивать.

— И только-то? — с очевидным облегчением произнес этот чудик. — Вот как раз этой беде я и могу помочь!

Вот уж не думала, что все получится так просто и так скоро!

Он развязал пояс, вынул спрятанную в складках жемчужину и протянул ее мне на раскрытой ладони...

Какое счастье! Завтра я плыву на Тот берег!

Я бы отправилась еще сегодня, но получилось бы неловко, если бы Сим случайно увидел меня садящейся на корабль: дорога в Альву проходит как раз мимо порта и самой большой пристани, от которой идут корабли на Тот берег..

* * *

Когда Адам и Ева были изгнаны из рая, они не ушли сразу искать себе пристанище в дальних краях, а остались тут же, неподалеку от райских врат; построили себе под стеной плетеную хижину из прутьев, покрыли ее большими плотными листьями и стали терпеливо ждать, не смилуется ли над ними Господь... Ева собирала райские плоды, падавшие из-за стены, Адам сплел сеть из волокон знакомого растения, чьи семена принесло ветром из-за стены, и ловил рыбу в реке, вытекающем из под стены Рая: Бог и теперь не переставал питать их.

Несколько раз Ева приходила и говорила Адаму: «Скорбью полно сердце мое, и нет ему утешения. Давай уйдем отсюда, муж мой! Бог не слышит тебя!» — но Адам продолжал молиться, стеная и моля о прощении. Наконец отчаялся и он и сказал жене: «Пора нам уходить. Давай возьмем семян райских плодов и злаков, чтобы посадить их в землю, которую найдем для жизни». Ева сплела корзину, обмазала ее глиной, высушила, а потом собрала в нее косточки плодов, семена злаков, овощей, пряных трав и орехи. Они ушли от Рая и нашли себе место для жизни. Адам построил новое жилище из тростника и глины, вспахал поле и посеял на нем злаки. А Ева нашла недалеко от берега небольшую долину, укрытую от морского ветра, и посадила в ней сад. Долину Адам назвал Альвой...

* * *

Сыновья и работники Ноя отправились в имение верхом, ведя в общем поводу больше двадцати порожних животных. С боков верблюдов, даже тех, на которых сидели всадники, свисали пустые корзины.

Путь в Альву занял несколько дней. По дороге Сим постоянно думал о Лие, но часто вспоминал

и Динку — как-то она там, все ли уладилось с продажей жемчужины и уплатой долгов? Лие он рассказал про жемчужину и был рад, что она ответила именно так, как он и ожидал: «Если бы ты успел подарить ее мне, я все равно бы отдала ее Дине, чтобы выручить из беды. Но так даже лучше, что я не видела этой жемчужины — а то вдруг бы мне стало жалко ее отдавать?» — и Лия улыбнулась так лукаво, что он понял — она просто его поддразнивает! Даже в разлуке его жена была с ним неотлучно, и не в мечтах, а в самом сердце: лежала на дне его, как теплая жемчужина, и согревала...

А вот Хам всю дорогу был мрачен. Бедный молодожен!

Иафет все внимание тратил на то, чтобы блюсти порядок в караване. Именно он распоряжался установкой палаток на привале, проверял состояние животных, он и первым стоял на страже по ночам. В этих местах водились не только разбойники, но случались и набеги летучих отрядов рефаимов: под видом проверок на незаконные перевозки они просто грабили караваны.

* * *

В Альве все было по-прежнему: старый дом, в котором более ста лет тому назад жила семья Ноя, все еще стоял под огромным общим навесом, со всеми своими хозяйственными постройками. Навес кое-где прохудился, но в общем все еще оберегал крыши строений от небесной влаги. Поэтому дом, сухой и крепкий, был и сейчас пригоден для жилья. К тому же за ним приглядывали снимавшие сады арендаторы, поскольку в доме, с разрешения Ноя, они и жили.

Услышав, что караван этот скорее всего будет последним, что Ной готовится к отплытию, арендаторы возликовали: хотя по договору это не означало, что дом и сады перейдут в их владение, но если хозяева исчезнут, то кто помешает им завладеть арендуемым имуществом? Поэтому, увлеченные открывающимися перспективами, они приглашение плыть с ними в Ковчеге, переданное от Ноя Симом, просто пропустили мимо ушей. Только самые молодые улыбнулись — о чудачествах Ноя в Альве тоже все знали, а пожилые арендаторы успели получить приглашение еще от самого Ноя.

Работать ковчезникам приходилось каждый день с утра до заката. Фрукты надо было собирать еще не совсем зрелыми, чтобы они выдержали перевозку. Но караванчики, конечно, успевали объедаться самыми спелыми яблоками, виноградом, цитрусовыми, сливами, абрикосами, грушами, а вместо воды пили апельсиновый и виноградный сок. Арендаторы и работники поглядывали на ковчезников с плохо скрываемым отвращением. Сами они альвинские фрукты даже и не пробовали: считалось, что те годятся только на семенной фонд.

На берег Ковчег караван из Альвы, нагруженный корзинами с плодами, вернулся только через несколько недель.

* * *

Мужчины и женщины Ковчег резали крупные плоды на части, раскладывали их на железных листах и сушили над кострами, а мелкие плоды просто рассыпали на таких же листах.

Вереница костров протянулась так далеко, что когда раскладывали последний костер из сучьев и гоферовых щепок, в первом костре оставалась уже только горячая зола над россыпью углей. Высушенные фрукты складывали в корзины еще горячими и торопливо относили в Ковчег: оставлять их остывать на открытом воздухе было нельзя — они тут же снова пропитывались влагой.

Когда первая половина плодов была высушена и отнесена в кладовые, а вторая разложена на противни и все уже начали мечтать об отдыхе, Ной нашел для всех новую работу. То ли он сам догадался, то ли ему кто-то подсказал, но он вдруг объявил, что впредь они будут использовать не только жар углей, но и дым горящих костров. Он велел вырезать в кустах и воткнуть в песок на пути стелющихся от костров струй горячего воздуха ивовые рогатины, на которых затем развесили охапки травы, скошенной в дюнах.

— Отче, а высохшая трава не загорится от искр? — озабоченно спросил Иафет.

— Не загорится, сынок, не беспокойся, — ответил Ной.

— А для чего она нам?

— Этой сухой травой мы будем кормить в пути наших травоядных животных, домашних и диких.

Все уже давно знали, что в Ковчеге с ними поплывут животные — скот, дикие звери, земноводные, насекомые и птицы. Специальные отсеки нижнего этажа были предназначены для скота и зверей, а пока их занимали только домашние овцы и козы, молоком которых семья питалась до сих пор и должна была питаться в пути. Второй этаж был предназначен для земноводных и насекомых, а третий с семьей Ноя делили птицы, точнее, яйца птиц. Они были уже насиженные, с зародышами, но их развитие было замедлено особым образом и должно было возобновиться уже только после Потопа, на новой земле. Второй этаж был полностью загружен и крепко заперт, оставался только свободный проход по лестнице, ведущей наверх. Усыпленные земноводные и насекомые спали в легких и сухих гоферовых ящиках — больших, в которых помещалось лишь по паре животных, и небольших и плоских для мелочи, разделенных ячейками. Они были уложены штабелями. Тут же в отдельном помещении с особой вентиляцией находились семена растений.

— Отче, а за крупными животными нам придется отправляться в экспедицию? — спросил Иафет. — Успеем мы с этим управиться?

— Об этом не беспокойся, — ответил Ной среднему сыну. — Животные придут сами перед отплытием.

Иафет, ничуть не удивившись, кивнул: раз отец говорит, значит, так оно и будет.

* * *

Пока на берегу кипела работа, Дина ни разу не спустилась на берег поговорить с Симом. Это заметили все, но спросил о ней один только Ной.

— Сим! Дина не говорила, когда снова придет?

— Нет, отче. Она ничего не говорила, а я не спрашивал, как ты и велел.

— Да, этого делать не надо. Бог повелел теперь уже только отвечать на вопросы, а самим никого больше не уговаривать. Сроки выходят. И никто уже давно не приходит и ни о чем не спрашивает. Ковчег давно перестал быть новостью для людей. Жаль, если Дина больше не явится поговорить с тобой.

— Очень жаль, отче...

— Так ты надеешься, что она все-таки захочет с нами плыть?

— Я бы очень этого хотел.

Лия подошла к Симу, погладила его плечо и вздохнула сочувственно.

* * *

Дина пришла, когда уже почти все фрукты и вся трава были высушены.

Как-то вечером Сим сидел у последнего костра с листом досушивавшихся яблок и слив, и вдруг увидел, как по лестнице от гостиницы «Ковчег», как всегда почти бегом и вприпрыжку, спускается Динка в какой-то обтягивающей тело блестящей синей одежде.

* * *

Из дневника Дины:

Ну, наконец-то они, похоже, кончают палить свои костры! Весь берег продымили...

Говорить мне Симке о том, что я была на Том берегу, или нет? И рассказывать ли ему всю правду? Гораздо проще соврать, как я вру всем подряд, что поездка моя была просто блеск ослепительный!

Да уж, блеск... С него-то все, можно сказать, и началось.

Лучше все записать по порядку, а то вдруг потом забудется. Я сколько раз замечала, что те вещи, которые хочешь запомнить, забываются, а что хотелось бы выкинуть из памяти — все помнишь и помнишь себе назло. Так вот чтобы не забыть, если вдруг на этот раз все получится наоборот.

* * *

На большом туристическом судне с самого начала посадки играла музыка и разворачивалось обещанное и оплаченное веселье. За день я обошла все четыре палубы тихохода: палубу с бассейнами и пляжами под искусственным солнцем, палубу ресторанов и баров, торговую и секс-палубу. Мне все понравилось, в городе я такого шика нигде не видала: уже тут чувствовалось веяние Того берега!

Вечером был устроен общий ужин для всех пассажиров, на котором нас приветствовал сам капитан. За столик ко мне подседа лысая девушка в черных очках.

— Привет!

— Привет.

— Ты, похоже, натуралка?

— Да, а что?

— Да ничего, — пожала та плечами. — Я-то бисексуалка, так что мне все равно. Не возражаешь, если я с тобой сяду?

— Садись.

Девушка уселась, быстро заказала официанту что-то необременительное для фигуры и с ходу начала разговор.

— Одна плывешь?

— Одна.

— И в первый раз, судя по тому, как ты на всю эту роскошь таращишься?

— Да, в первый раз.

— На Том берегу тебя встречают?

— Нет.

— Могу помочь,

— Чем? — удивилась я.

— Могу быть гидом, охранницей, подругой и советчицей.

— От кого на Том берегу может понадобиться охрана? Там же правят нефилимы!

— От воров и мошенников. Они, кстати, есть и на тихоходе.

— А команда разве не охраняет пассажиров?

— Только от прямых физических нападений на публице. Но если кто-то ночью решит поплавать в море, а услужливые люди ему помогут сигануть за борт — это команды не касается. Им это даже выгодно: на обратный рейс появится одно свободное место, которое можно снова продать.

— Вот оно как! И много ты берешь за работу?

— Десять монет.

Это было терпимо, и я кивнула.

— Десять монет в день! — Я подумала и снова кивнула. И девушка весело продолжила: — Давай знакомиться! Меня зовут Линда. Лицензия у меня с Того берега, могу потом показать. Капитан судна меня хорошо знает. И эти гвардейцы-рефаимы тоже! — В этот момент в зал ресторана вошли двое в военной форме, красивые и высокие, примерно в полтора раза выше самого рослого из пассажиров. Они плыли по залу, как большие серебряные рыбы в стае мальков. Когда они проходили мимо нашего столика, Линда их окликнула:

— Привет, мальчики!

— Привет, Линда! Развлекаешься? — ответил один из них и помахал рукой. — Приятного улова тебе!

Второй просто кивнул на ходу.

— А я подумала, что это нефилимы! — сказала я, провожая их глазами. Я не только нефилимов, но и рефаимов никогда так близко не видела.

Линда громко рассмеялась.

— Дурочка! Станут тебе нефилимы с людьми работать! Они только руководят. А рефаимы — это гвардия нефилимов, они охраняют весь порядок Того берега, да и за нами наблюдают. Нас они называют «дикими», а наши места — Диким берегом. Обидно, правда?

На это я ничего не ответила, я еще мало знала Линду.

— А у тебя есть на Том берегу знакомые нефилины?

— Ну нет, такими связями я не обладаю.

— Жаль...

— А тебе-то зачем? Ты уже старуха, чтобы заинтересовать нефилима, они отбирают для забав только совсем юных девочек. Небось была мыслишка найти себе дружка нефилима?

— Не так чтобы очень, но о чем-то подобном в юности и я мечтала, как все девчонки.

— Зря мечтала. Они чаще на рефаимках женятся, их не надо перестраивать физически и душевно до связи. Это от них у нефилимов рождаются дети, рефаимы. Зато рефаимы абсолютно бесплодны и в женщинах не очень разборчивы. Побаловаться — это они не прочь, а вот жениться — дудки. Вот знакомство с рефаимом я могу устроить тебе прямо здесь, на судне. За отдельную плату, конечно.

— Посмотрим...

— Но учти, провести с ними ночь стоит очень дорого!

— Тогда лучше не надо.

— Деньги бережешь?

— Приходится беречь, я их тяжким трудом зарабатываю.

— Ты?! Да тебе же давно за сто лет перевалило!

Я обиделась, приняла к сведению, но виду не подала.

— Я хозяйка гостиницы, а не блудница, — ответила я с небрежным достоинством.

— А, вон оно как! Ну прости, не догадалась. Женщина с деньгами, которая может себе позволить поездку на Тот берег — это чаще всего как раз блудница, а все по-настоящему богатые женщины давно сами на Тот берег перебрались.

— Надеюсь, что и я скоро переберусь.

— Помоги тебе даймоны!.. — только с малюсенькой капелькой издевки пожелала мне Линда, так что на это можно было не обращать внимания — ни не обратила.

— Спасибо, дорогая! А они разве людям помогают?

— Какая же ты чудачка, Дина! Да вся наша цивилизация, по существу, построена ими. На Том берегу все зависит исключительно от них. Уже и на нашем Диком берегу они почти повсюду

навели свои порядки, и мы тоже давно живем по установленным для нас нефилимским законам. Правители наших городов на самом деле только выполняют инструкции даймонов и нефилимов. А рефаимы поддерживают порядок военной мощью.

Как много знала Линда! Я еще долго ее расспрашивала о жизни на Том берегу и слушала с жадностью.

Ночь прошла интересно и весело. Мы с Линдой и танцевали, и пили вино, но в основном разговаривали. На остаток ночи она напросилась в мою каюту «слегка отдохнуть», и я не могла отказать ей. Да мне и не хотелось, честно говоря...

* * *

Утром я проснулась в постели одна. Я не удивилась, что Линда оставила меня под утро. Встала, приняла душ, а когда стала одеваться, то обнаружила, что из моего нательного пояса исчезла Симкипа жемчужина. Я еще поползала по полу, искала ее в одежде и под кроватью, но сердцем уже знала правду — Линда меня обокрала. Хорошо еще, что деньги я спрятала в потайной карман сумки. Деньги были на месте.

Я решила обратиться с жалобой к команде, пока тихоход еще не пристал к каинитскому берегу. А тот был уже виден в утреннем тумане: высокие башни уходили прямо а небо и терялись в нем, а сам берег светился многочисленными огнями, зеленовато-бледными в утреннем свете. Я закончила одеваться, собрала сумку и вышла на палубу. Мне удалось сразу же найти дежурного офицера-рефаима, но когда я изложила ему свое дело, он ответил:

— На берегу вы можете сделать заявление местным властям. А на судне подымать панику и затевать скандал мы вам не позволим. — Он подозвал к себе одного из гвардейцев и приказал ему: — Возьми девушку под охрану и проследи, чтобы к ней никто не подходил!

Я поняла, что это значит, и послушно следовала за своим сопровождающим до самой таможни на берегу. Там меня обыскали, взяли налог за выход на берег, и только после этого сопровождающий покинул меня, кивнув на ворота с надписью «Берег свободы приветствует вас!» — и через минуту я оказалась в городе своей мечты.

Конечно, глупая потеря жемчужины сбила мне все настроение, и город не произвел уже на меня того впечатления, которого я ожидала. Я сняла самый дешевый номер в гостинице, который все равно стоил вдесятеро дороже самого лучшего номера в моем «Ковчеге».

Жизнь в городе кипела и бурлила, шум стоял несусветный, даже самый центр был похож на большой праздничный базар. Культура Того берега — теперь и для меня уже Этого берега — была поразительна. Я ожидала неземной красоты, размаха и великолепия, подлинной роскоши, ну и секса без границ. Вот последнего и вправду хватало, а в остальном нефилимская культура меня удивила: она была детской, почти младенческой! Как будто бы дети построили игрушечный город по своему вкусу, а потом пришел волшебник и увеличил его до взрослого размера. Это была какая-то карнавальная культура, все здесь было рассчитано на то, чтобы просто удивлять и забавлять, даже архитектура. Кое-где еще попадались старинные дворцы и храмы, строившиеся веками, тщательно и богато украшенные, но более новые здания отличались от всего виденного мною ранее тем, что вызывали удивление и смех. Были дома, похожие на кукурузные початки и табуретки, на бутылки и на опрокинутые стаканы и множество ярко окрашенных железных домов-труб в виде змей. В некоторых даже окон не было. Не думаю, что в таких домах удобно было жить, но удивлять — да, они удивляли.

Издали мне даже понравилось строение в виде ярко-синего ядовитого гриба «синявки», в

котором размещался магазин одежды, но попасть в него можно было только через «ножку гриба», и там всегда толпился народ, ожидая очереди на вход. Сам магазин — плоская «шляпка, гриба» — находился на такой высоте, что снизу было совершенно не видно, что там вывешено в стеклянных витринах. Половина подъемников не работала, а перед работающими жаждущие покупок стояли плотной толпой, переругиваясь, непрерывно что-то грызя и плюя на пол. Я все-таки решилась и потратила несколько часов, чтобы попасть наверх. Вещи там были яркие, модные, все из рассчитанно непрочных искусственных тканей, и многие привлекли мое внимание, но цены были настолько запредельные, что я даже на примерку не решилась. Я ничего не купила и хотела спуститься вниз, но тут меня ожидала неприятность — у выхода к подъемнику висела надпись: «Только для посетителей с покупками! Если вы ничего не купили, вам придется спуститься по лестнице пешком». Я представила себе длину лестницы внутри «ножки гриба» и вернулась в торговые залы; там я выбрала самое дешевое, что смогла найти, — простую сумочку с изображением синего гриба, заплатила за нее, но у выхода охранник-рефаим остановил меня и сказал, что такие сумки покупками не считаются — их покупают для того, чтобы нести в них товар. И мне пришлось вернуться и купить совершенно ненужное мне кухонное полотенце с изображением гигантской мухи и надписью «Приятного аппетита!», но дешевле просто ничего не было.

На этот раз меня в лифт впустили, я выбралась на волю и вздохнула с облегчением. Больше я по большим магазинам не ходила, довольствуясь маленькими лавочками и уличными прилавками. На, одном таком прилавке я углядела роскошный обтягивающий «змеевик» из натуральной, как уверял меня продавец, морской змеи. Я примерила его тут же на улице, как делали многие — тут никто никого не стеснялся. Он оказался моего размера, я немного поторговалась и выложила за него кругленькую сумму.

Все дома в городе были обвешаны цветными картинками с забавными надписями, в основном предлагающими товары и услуги. Теперь я поняла, почему новые дома строили такими высокими — чтобы больше рекламы на них поместилось.

На улицах, прицепленные на фонари и просто на специально протянутых между домами тросах, висели бантики, воздушные шары, смешные фигурки людей и животных — все совершенно гигантского размера и ярчайших цветов, и обязательно что-нибудь рекламирующие. Тот же образ жизни, к примеру: «Мы — впереди всей Земли!», «Город нефелимов — город счастья и свободы!», «Забудь Творца — твори себя сам!», «Живи на яркой стороне жизни!», «Бери от жизни все!». И прочий подростковый вздор в том же духе.

Да, к этой детской культуре надо было еще привыкнуть...

Вот взять хотя бы их сумки на колесиках. Вещь удобная, слов нет, тащишь такую сумку за веревочку, а она катится за тобой на колесах, задевая по ногам прохожих. Но сделаны были эти чудо-сумки в виде забавных зверюшек, и вид какого-нибудь дяди, влекущего за собой на веревочке поросенка на колесах, с апельсином во рту и застежкой на спине, был достаточно смешон.

Полно было и мелких игрушек, но когда я хотела, в подражание прохожим женщинам, купить себе зеленую пищащую черепашку и прицепить ее на свою дорожную сумку, проходившая мимо девушка, спасибо ей, презрительно фыркнула: «Кто теперь носит на сумке черепаху или змею?» Я положила черепашку обратно на прилавок и пошла дальше, приглядываясь к встречным женщинам. Да, у всех на сумках были игрушечные теплокровные животные: медвежата, зайчата, кошечки...

Смутила меня и женская мода. Самый писк моды, как я поняла из собственных наблюдений и

рекламы, был в том, чтобы у женщины груди, живот и ягодицы торчали из одежды наружу — сквозь специально прорезанные круглые отверстия. Одежда эта так и называлась — «пятерочка», по числу этих дырок. Нет, я совсем не против того, конечно, чтобы женщины и мужчины обнажались, но не в толпе и не в любую погоду! В эти дни было прохладно, и многие девушки в своих «пятерочках» просто дрожали от холода, но прикрыть голые места не смели, чтобы фасона не нарушить.

Нравы в городе были совершенно свободны, и мне это, конечно, нравилось. Люди совокуплялись, можно сказать, на ходу. Нет, как раз не на ходу: в сквериках, на остановках общественных повозок — везде стояли под балдахинами удобные топчаны с надувными матрасами с надписью «Почему мы должны ждать, дорогой (или дорогая)?» И с соответствующей картинкой, конечно. Здесь все сопровождалось поясняющими картинками, как будто люди еще не научились читать. А может, наоборот — уже разучились: если реклама и так понятна по картинками, то для чего молодому горожанину грамота, спрашивается? Время на нее тратить? На этот счет у горожан имелся любимый лозунг, чаще других встречавшийся в городе: «Не думай про завтра — веселись сегодня!»

В общем, было на что посмотреть, даже просто гуляя по улицам, что я в основном и делала, заходя только в магазины да ресторашки — есть-то все равно было надо, несмотря на экономию. А в развлекательные заведения я ни разу и не сунулась — это мне было теперь не по карману, после потери жемчужины...

Кстати, о жемчужине. Проходя мимо ювелирного магазина, я увидела простую жемчужную подвеску — просто шарик на золотой цепочке. Жемчужина была чуточку поменьше моей, но когда я увидела ярлычок с ценой, мне стало плохо... А точнее — обидно до тошноты, так что пришлось даже прислониться к стеклянной витрине. За такие деньги я могла настроить «Ковчег» не только по всему нашему берегу, но и по всем ближайшим островам.

Ну вот, опять расстроилась так, что и писать дальше не хочется. Но зато пока писала, сделала важный вывод: Симке про мою поездку на Тот берег ничего не надо рассказывать. Не поймет и не оценит.

* * *

Проснувшись рано утром и выйдя на крышу вдохнуть свежего воздуха, я увидела, что на берегу остался только один костер, а возле него кто-то сидит. Я решила, что это может быть Симка, и помчалась переодеваться. Потратив время на одевание — натянуть «змеевик» не так-то просто, я не стала возиться с прической, а полетела на берег прямо так, с неубранными волосами. И наплевать: в детстве Симка меня и не такой растрепой видывал!

Соскучилась я по нему страшно... Когда я вернулась из своего турне, Симка еще прохлаждался в Альве. И очень хорошо, потому что вид после Того берега у меня был еще тот и надо было хотя бы откормиться... А потом, когда он вернулся, они столько дней жгли по всему берегу вместе с работниками непонятные эти костры, что застать его одного было совершенно невозможно, а говорить с ним в толпе у меня никакого интереса не было.

* * *

— Привет, Симка!

Динка прибежала, когда уже почти все фрукты и вся трава были высушены. Сим сидел у последнего костра с листом досыхающих яблок и слив и что-то чертил прутиком на песке.

— Привет, Динка!

Она в какой-то новой обтягивающей одежке, серебристо-синей, как чешуя морского змея.

— Сим, а чего это вы тут дымили столько дней и суетились по всему берегу, как трилобиты после шторма? — спросила Динка, с ходу усаживаясь на лежащий возле костра обрубок бревна.

— Постой, Динка! Подложи под себя мешок, а то приклеишься, — сказал Сим и кинул ей через дымящийся костер мешок из рогожи.

— Вот в этом ты весь Сим! Не нужна мне твоя дерюга, забери ее обратно! — легко, как всегда, обиделась Динка и отшвырнула мешок. Сим на это ничего не сказал, подобрал мешок и повесил на рогатину, торчавшую из песка неподалеку от костра: позаботился, чтобы рогожа не намокла на сыром песке и не «поплыла».

— А чего это тут у тебя жарится, Сим?

— Не жарится, а сушится. Это фрукты — яблоки и сливы.

— Какой-то странный у них запах и цвет. Они, надеюсь, не натуральные? — с усмешкой спросила Динка.

— Это фрукты из Альвы.

— А зачем вы их сушите? Их же нельзя есть. Разве твой старикан... ой, прости! Разве Ной не знает, что фрукты и овощи из Альвы можно употреблять только для селекции и размножения? И для этого употребляют семена, а не мякоть.

— Отец знает про Альву все. Ты забыла, что он жил там с рождения и до начала постройки Ковчега?

— Так вы что, всерьез запасаетесь семенами?

— Нет, семена растений мы приготовили еще несколько лет назад. Нам нужны фрукты, чтобы питаться ими в плавание.

— Не городи чепухи! Даже малые дети знают, что натуральные фрукты и овощи идут только на семена, потому что семена настоящих, геенно измененных плодов всхожести не имеют. Есть неизменные фрукты нельзя, для современного человека это чистый яд.

Вместо ответа Сим взял одну сливу, положил ее в рот и под изумленным взглядом Динки начал жевать. И при этом исхитрялся еще и улыбаться! Он разжевал, проглотил то, что держал во рту, — и Динка убедилась, что ничего с ним не случилось. По крайней мере, сразу.

— Сим! А ты раньше когданибудь уже пробовал фрукты из Альвы?

— Да. И ты тоже, Динка.

— Я? Когда?! — возмутилась Дина.

— Когда мы были детьми. В Альве.

— Я уже забыла, что мы там ели больше ста лет назад! — не сдавалась Динка. — Может, за

нами там плохо смотрели, и мы ели всякую гадость... Впрочем, тогда многие ели дикие плоды, не всем были по карману геенно измененные овощи и фрукты. Это сейчас, в эпоху всеобщего благоденствия...

— А мы всегда покупаем овощи и фрукты только в Альве, — перебил ее Сим, — с тех пор, как наша семья оставила свое имение и пришла сюда, на берег, чтобы строить Ковчег. И сами их едим, и работников кормим.

— Вы же ушли оттуда лет сто назад! — напомнила Дина.

— Даже чуть больше...

— И все эти годы ваша семья питалась натуральными овощами и фруктами?

— И еще злаками, орехами и медом, собранным с цветов неизменных растений.

— Подожди... Так это значит, когда ты угощал меня яблоками и орехами, это были ядовитые яблоки и орехи из Альвы?

— Это были нормальные естественные плоды из Альвы.

Динка скривила лицо, изобразив звук, имитирующий рвоту.

— Ну и гад ты, Симка! Как ты смел не предупредить меня?

— Но ты же никогда не спрашивала меня, а просто брала и ела.

— Хорошо, что я уже давно не захожу к вам в Ковчег и ничего у вас не ем! Может быть, если есть эту гадость не слишком часто, организм как-то сам справляется с отравой.

— Отец с матерью печалются, что ты не бываешь у нас.

— Да мне и подумать страшно, чтобы заживо зайти в этот ваш семейный склеп-на-волнах! Только покойников хоронят в деревянных гробах, а корабли должны быть железные. Все у вас не как у людей! Впрочем, это я, наверное, уже говорила...

— И не раз. По ты напрасно сердисься на меня, Дина. Вспомни, когда ты жила с нами в Альве, ты ела то же самое, что и мы, и никогда не болела, а сейчас ты каждый год ложишься на месяц в больницу, чтобы привести организм в порядок.

Дина задумалась.

— Пожалуй, так оно и есть... А может, у меня потому и неполадки в организме, что в детстве я ела фрукты из Альвы? Интересно, как же мы все тогда не умерли, потребляя такие опасные вещи...

— Это вопрос?

— Да, это вопрос.

— И ты хочешь, чтобы я на него ответил правду?

— Ну да... Да ты и врать-то не умеешь! — хихикнула Динка.

— Я отвечу. Это происходит потому, что с геенно измененной сельскохозяйственной продукцией вас обманывают трижды. Во-первых, никто не потрудился выяснить, чем измененные растения и плоды полезней неизмененных, во-вторых, никто не доказал, что они безвредны, а в-третьих, вред натуральных продуктов для человека так и остался недоказанным.

— Гм. Ты знаешь, а глядя на вашу семейку, действительно не подумаешь, что натуральная еда вредна: вон как вы все пашете с утра до ночи! И все до одного здоровы, как мужчины, так и женщины.

— Это от здоровой жизни.

Оба помолчали, чувствуя себя уже почти помирившимися.

Сим, чтобы закрепить мир, погладил Динку по руке. Его ласка вызвала у нее почему-то новый приступ недовольства. Она подумала и спросила ни с того, ни с сего:

— Кстати, Сим, а тебе не стыдно, что твою жену Лию превратили в домашнюю рабыню?

— С чего ты это взяла? — изумился Сим.

— Да я сама слышала, как твоя мать указывает ей: Лиечка, сделай это, Лиюшка, сделай то!

— Моя мать любит Лию. И мне кажется, Лии нравится работать под началом свекрови: мама ведь гораздо старше и лучше разбирается в домашнем хозяйстве. Но зато Лия крепче и моложе — вот у них вдвоем все и получается споро и скоро.

— Ну, кто из них крепче телом, это еще вопрос, — фыркнула Динка. — А уж духом тем более. Где уж Лии противиться старой Ноэме! Вообще-то это касается не только твоей Лии: вы все, и отец, и братья, не разрешаете своим женщинам следить за собой и за модой!

— Мне всегда нравится, как одета и причесана моя жена, но я никогда не диктую ей, что она должна надеть и как причесаться.

— Но неужели ей самой по вкусу ходить с такой маленькой грудью?

— Это снова вопрос?

— Ну, если тебе не стыдно, то ответь, пожалуйста.

— Отвечаю. Мне, Динка, очень нравится девичья фигурка моей жены. Сейчас я люблю Лию стройной как тростиночка. Но когда она будет вынашивать наших детей, я буду любить ее с большим животом и пышной грудью.

Динка презрительно скривилась.

— Но ведь красиво, когда талия тонкая, бедра узкие, а грудь как можно больше. Всем мужчинам нравится большая грудь.

— Большая грудь нужна ребенку, а не для забавы мужу. А вот узкие бедра для будущего ребенка опасны при родах, как и для его матери.

— Ну тебя, Симка, ты какой-то прагматик! Тебе что, моя фигура не нравится?

Сим улыбнулся и ничего не ответил.

— Давай колись! Так нравится тебе моя фигура или нет?

— Твоя фигура? Ну, в общем, наверное, скорее да, чем нет. Ты и в детстве была похожа на змейку, хотя двух дынь вместо груди ты, конечно, не носила.

— Что-о?

Динка хотела вскочить и дать Симке оплеуху, она заранее угрожающе подняла руку, но оторвать зад от бревна не смогла — она таки к нему прилипла! Как и предупреждал Сим.

— Это ты виноват! — закричала Динка, отдирая драгоценную шкуру морского змея от смолистого гофера.

— Я же предлагал тебе подстелить мешок, Дина!

— Набей свой мешок своими вонючими ядовитыми яблоками из Альвы и волоки его в свой дурацкий Ковчег! Я вообще сюда больше никогда не приду!

Змеинная шкура была тонкая и непрочная: часть ее осталась на Динкином заду, а часть — на бревне. Со злости Динка поддала ногой железный противень с фруктами, и они разлетелись по песку. Прикрывая ладонями голый, запачканный смолой зад, она помчалась к лестнице.

— Динка, стой!

— Нет! Не-е-е-т! Хва-а-атит!

* * *

Из дневника Дины:

Придя в гостиницу, я разревелась. И обидно мне было, и «змеевика» жаль до слез! Ведь я, торопясь на встречу с этим оболтусом, принарядилась, а он, будто в насмешку, предложил мне подстелить под «змеевик» какую-то драную рогожку. Естественно, я отказалась, и в результате — как он и предупреждал, негодник! — накрепко приклеилась задницей к гоферу. Эх, ладно бы только задом, кожу можно быстро нарастить новую — но «змеевик» мой пропал начисто! А он у меня, между прочим, был не искусственный, а из кожи настоящего морского змея, синий с серебряным отливом, натуральней не бывает! По крайней мере, так уверял меня торговец. Треть годового дохода я за него отдала, о чем ни разу не пожалела до сего дня...

Я выревелась, переоделась и пошла проверять, как идут дела. В гостинице все было в порядке, в ресторане на крыше жизнь только начиналась. Я понемногу успокоилась, и вскоре мне уже стало жалко не столько испорченного драгоценного наряда, сколько бедного Симку: он и вправду, если уж говорить по совести, не был виноват...

Я взяла пластиковую сумку и снова спустилась на берег. Там, конечно, уже никого не было, только сквозь щели затворенных на ночь дверей Ковчега пробивался свет. Я подошла к потухшему костру и собрала в сумку все рассыпанные фрукты, какие мне удалось найти в сумерках. Я решила, что дома подсушу их на кухне, а завтра верну в знак раскаяния Симке. Не просить же мне у него прощения!

Вернувшись в гостиницу, я забросила мешок с влажными, перепачканными в песке фруктами в свой кабинет и занялась делами.

* * *

Новых постояльцев сегодня не было, но ресторан уже гремел, музыканты разогревались. Народу из города прилетело немало, ящеры на парковке сидели тесно и все норовили сцепиться между собой, а то и чужого наездника хвостом шибануть. Хорошо еще, что пасти у всех в намордниках, а сами они на цепях: я в окно внимательно их осмотрела. Народ на крыше ел, пил, веселился...

В вечернем костюме (о мой бедный «змеевик», так я в нем своим клиентам и не показалась ни разу!) я прохаживалась время от времени между столиками, спрашивая, всем ли довольны посетители. Это была моя особенная придумка — играть роль этакой хозяйки салона: дескать, вы все мои гости, и я каждому сердечно рада! Поскольку люди в основном друг дружку ненавидят, то даже такая вот показная сердечность действует на всех умиротворяюще. Народ балдеет, а денежки капаят...

В середине ночи, когда я уже валилась с ног, в ресторане перестали подавать горячие блюда и на кухне затушили печи. Дальше до утра работал уже только буфет с напитками и легкими закусками. Тогда я взяла из кабинета Симкины сливы и яблоки, прошла на кухню и дверь за собой заперла на ключ. Я промыла фрукты, смыла с них песок и разложил на противни для пирожков. Один задвинула в еще горячий духовой шкаф и села ждать, когда высохнет первая партия фруктов.

Делать мне было нечего, а оставить эти подозрительные фрукты без присмотра было никак нельзя — зайдут, увидят, донесут. Я плотно задвинула шторы на окнах, уселась с ногами в кресло и принялась вспоминать свою жизнь в Альве. Просто так, чтобы заполнить время ожидания...

* * *

Альва. Громадный сад, который не обойти и за три дня, всегда благоухающий одновременно цветами и перезревшими фруктами. Мы ходили с корзинками и собирали упавшие фрукты: из них Ноэма варила такие вкусные джемы. Неужели это все были неизменные фрукты? Они были такие сочные, ароматные, сладкие, и мы их столько поедали за день, что у нас к вечеру животы раздувались... А запахи! Из духового шкафа от разогревшихся фруктов сейчас шел похожий запах... Никогда, никогда не прощу Ною того, что случилось со мной в Альве!

В тот день мы, ребяташки, бегали в саду и отгоняли залетавших туда стрекоз — это была наша обязанность. Запах спелых, особенно палых фруктов привлекал мух, ос и других насекомых, а на них охотились хищные стрекозы. Впрочем, на ходу они и фруктами лакомились, причем хватали с верхушек деревьев самые роскошные спелые плоды. Людей стрекозы боялись и редко на них нападали: стоило на них замахнуть веткой, свистнуть или просто громко крикнуть — они срывались и тут же улетали. Но большие старые стрекозы могли и цапнуть, особенно ребенка. Иногда кто-то из мальчишек хватал молодую стрекозу за хвост, и она поднимала его в воздух. Но надо было вовремя выпустить хвост из рун, а то она могла и унести.

В тот день именно такое со мной и случилось. Под большой яблоней я увидела довольно крупную коричневую стрекозу: она охотилась на ос возле кучки падалиц. Я подкралась к ней и ухватила ее за хвост. Стрекоза мгновенно подняла меня в воздух и начала со страху кружиться над яблоней, так что я ногами цеплялась за верхние сучья и стучалась ими о яблоки; мои босые ступни и голени вмиг оказались исцарапанными в кровь. Сим, увидев это, закричал мне: «Держись крепче, Динка!» и полез на дерево, долез до верхушки и там притаился. Улучив момент, когда стрекоза со мною на хвосте пролетала поблизости, он прыгнул и ухватил ее за

хвост выше моих рук. Двойной ноши стрекоза не выдержала и плавно, как осенний лист, опустилась с нами обоими на траву.

Симка разжал мои руки, отшвырнул меня в сторону, а сам выхватил подпору из-под яблони и пошел с нею на стрекозу. И без того ошалевшая крылатая хищница от ярости потеряла всякую осторожность и закружила вокруг него, явно собираясь напасть. Братья закричали ему, чтобы он убежал поскорей: испуганная стрекоза может здорово покусать, а бывало, что они и пальцы у взрослых мужчин отхватывали. Но Симка видел, что я лежу в трех шагах и от страха не могу подняться и убежать, и храбро стоял между мною и стрекозой, размахивая жердью.

И тут мы услышали голос Ноя: он шел между деревьев и звал меня: «Дина! Дина!» Стрекоза, услышав его голос, тотчас, будто опомнившись и устыдившись, рванула в сторону, а Симка отшвырнул жердь и бросился ко мне: «Динка, ты можешь встать и идти? Отец зовет тебя!» Но я испугалась, что Ной рассердится на меня за проказу со стрекозой. «Давай убежим и спрячемся, чтобы старый Ной нас не догнал и не нашел!» — предложила я Симке и попробовала подняться, опираясь на него. Ах, как густы и тенисты были сады Альвы! Стоило нам тогда забраться в колючие сливовые заросли — и нас бы Сам Творец не нашел! Но Симка уже тогда был послушным сыном и прятаться не захотел. «Нет, мы расскажем отцу, что на стрекозе катались, и попросим прощения!» В этом был весь Самка: он ничего не хотел скрывать, но вину за приключение со стрекозой обязательно хотел разделить со мной. Ну вот как такие люди ухитряются в этом мире выживать, а? Может, Ной и прав, что хочет увезти куда-то свое семейство, ведь они все такие, ни к чему не пригодные — ни украсть, ни покараулить.

Но старый Ной искал меня вовсе не для того, чтобы наказывать. Он спокойно выслушал рассказ Симки про стрекозу, а потом сказал: «Ничего, ты правильно поступил, сынок. Если бы ты не нарушил мой запрет приближаться к стрекозам, ты бы не спас Дину. Ты сумел сделать правильный выбор между послушанием букве и духу закона. А у Дины сегодня большая радость — к ней приехала мать!»

Почему то первая моя мысль была о том, что если вдруг выяснится, что у меня и вправду есть своя собственная мать, то сам Ной, Ноэма и все остальные сразу же перестанут меня любить и баловать! Ведь до этого стоило мне чуть-чуть надуться и сказать: «У всех есть мамы, а у меня нет...» — как тут же все кидались меня обнимать и утешать.

«У меня нет никакой матери!» — крикнула я испуганно. «Есть. Твоя мать после долгих поисков нашла тебя!» — сказал Ной.

Он сразу поверил моей матери — вот вам и мудрец, вот вам и собеседник Творца! Никогда не прощу ему этой глупости, ну как же он мог поверить моей матери? И как ему его Бог не подсказал, что она хоть и вправду биологическая моя мать, но на самом деле — лютей и беспощадней враг. Но нет, он еще и улыбался довольно и благодушно, будто и впрямь принес мне радостную весть.

Возле дома стоял экипаж, запряженный четырьмя крупными породистыми заврами в стальных намордниках. Стоявшая рядом красивая женщина в траурной синей одежде протянула ко мне руки. «Доченька!» — воскликнула она и кинулась меня обнимать. Все стояли вокруг и радовались за сиротку Дину...

А через три дня ей сделали пересадку моей почки. Вот для этого она меня и разыскивала.

* * *

Я погрузилась в эти горькие и злые воспоминания и, сама не замечая, машинально грызла уже высушенные плоды, чей запах так напоминал об Альве... Когда я опомнилась, я уже съела целую горсть этой сладкой отравы!

Весь следующий день я провела в тревожном ожидании каких-нибудь признаков отравления, но, к моему великому удивлению, чувствовала я себя на удивление бодро. Я неумоимо носилась по лестницам «Ковчега», помогла таскать на кухню корзины с продуктами, привезенными из города, вечером пошла в ресторан и плясала с посетителями почти полночи.

А утром я проснулась свеженькая, как девочка из Альвы! И тут мне пришла в голову странная мысль: «Неужели это действие фруктов из Альвы?»

Я решила свое неожиданное открытие тщательно проверить. Два дня я к этим фруктам не прикасалась, и понемногу мной овладели обычные апатия и депрессия, и пришлось снова с утра принимать через каждый час взбадривающие таблетки, а на ночь — снотворное. На третий день я вместо таблеток с утра съела горсть альвийских фруктов — и снова порхала весь день, как стрекоза на собственной свадьбе, а ночью спала как ребенок. Да здравствуют фрукты из Альвы!

Таким образом открытие было сделано, и осталось только его реализовать, то есть превратить в деньги.

* * *

Я заказала несколько тысяч небольших, с ладонь, пакетиков с надписью: «Ковчег жизни! Новый источник бодрости — живой энергии! Живи энергично!» Ниже мелким шрифтом шла какая-то лабуда про новое потрясающее открытие ученых, позволившее туристическому комплексу «Ковчег» создать уникальный оздоровительный продукт — пастилки «Ковчег жизни». Все-таки не зря я побывала на Том берегу, в области рекламы я здорово продвинулась!

Больше всего я волновалась по поводу Альвы, но совершенно напрасно. Я не пожалела денег, наняла повозку летучих ящеров и провернула всю операцию в один день.

Никаких сентиментальных переживаний Альва у меня не вызвала, не до того было. Я не стала вести переговоры с главным арендатором, а выбрала самого бойкого из молодых, чуть хитроватого, но явно энергичного и оборотистого. С ним и заключила договор на тайную поставку фруктов прямо в «Ковчег», заплатив авансом немалые деньги. Как говорится: «Кто не рискует, тот живет не на том берегу!»

* * *

Когда пришел первый заказ из Альвы, у меня по всей гостинице уже стояли автоматы с рекламой «Ковчега жизни», а здание старой гостиницы, с которой когда-то я начинала свое дело, было перестроено в маленькую фабричку по изготовлению пастилок: поставлены сушильные шкафы, пресс для пастилы, резательный и упаковочный автоматы. Работали на ней всего два человека, так что на первое время даже не пришлось никого нанимать: бывшая горничная и портье из гостинички с изготовлением нового продукта пока справлялись.

Пастилки пошли нарасхват. Гости и посетители ресторана сразу поняли, что после потребления одной пастилки человек чувствует резкий прилив энергии примерно на час, а если жевать их в течение первой половины дня, то жизнерадостность и бодрость не покидают человека до самого вечера и сменяются ночью спокойным и глубоким сном. А если нужно быть бодрым и ночью — жуй дальше, будешь веселее!

Дело шло. Я уже подумывала о расширении торговли на весь город. Если я стану зарабатывать на пастилках в десять раз больше, чем сейчас, то смогу перебраться на Тот берег гораздо раньше, чем смела мечтать...

* * *

А Динка опять куда-то пропала, непоседа.

Несколько недель Сим видел ее постоянно снующей между берегом, где стояло здание старой гостиницы, и «Ковчегом» на скале. Иногда, завидев его издали, она махала ему рукой и снова уносилась по своим делам. Но вот уже несколько дней она не показывалась вовсе. Не случилось ли чего? И он решил подняться в «Ковчег» и все выяснить.

* * *

— Что-то тревожит тебя, сын? — спросил Ной своего первенца во время обеда.

— Да, отче. Дина попала в беду.

— Опять эта Дина! — негромко сказал Хам.

— Что случилось с Диной, сынок? — заволновалась Ноэма.

— Она затеяла в своем «Ковчеге» изготовление и продажу пастилы из альвинских фруктов, а их обработка и продажа населению караются законом. Сейчас она в тюрьме и ей предстоит суд.

— И что ей грозит?

— Лишение правой руки. Топором отрубят, на главной площади...

— Боже мой! — воскликнула Ноэма. — Мы должны девочке помочь! Что мы можем для нее сделать?

— Можно было бы заплатить властям выкуп за ее руку, мама, но это такая огромная сумма, что страшно даже подумать...

— А ты не думай, сынок, ты просто назови, — сказал Ной.

Сим назвал.

Все ахнули и замолчали, сумма и впрямь была оглушительна. Но Хам вскоре нарушил молчание.

— Эта Дина ухитряется попадать из одной неприятности в другую, а Сим почему-то должен без конца ее выручать. Почему, спрашивается?

— Да, в самом деле, почему один Сим должен ее выручать? — негромко спросила Лия, встала из-за стола и ушла в свою комнату.

Ноэма укоризненно поглядела ей вслед: в семье Ноя не принято было вот так уходить из-за стола, до благодарственной молитвы.

— Лия права, — сказал Ной, — мы все должны подумать о том, как выручить Дину. Мы должны

найти эти деньги, и мы их непременно найдем.

— Где, отче? — спросил Хам.

— Еще не знаю. Мы помолимся, и Господь подскажет нам.

— Мне Он уже подсказал, — тихо произнесла вернувшаяся Лия. В руках у нее был кипарисовый ларец с украшениями. — Сим, возьми это, пожалуйста, на выкуп Дины, ведь это в основном твои подарки. Здесь, конечно, на весь выкуп не хватит, но пусть это положит хотя бы начало.

— Деточка моя милая! — сказал, поднявшись с места, Ной, обнял и поцеловал невестку. — Как же я люблю тебя!

Обе младшие невестки, переглянувшись, тоже бросились в свои комнаты и через минуту вернулись со своими драгоценностями. Поставив ларцы на стол, обе молча вынули серьги из ушей, сняли ожерелья и добавили их к прочим вещам.

Растроганная Ноэма, утирая глаза концом покрывала, улыбнулась Ною:

— Старой женщине драгоценности нужнее, чем молодой: они отвлекают взгляд от ее морщин и говорят лучше всяких слов о любви к ней ее мужа. Но ты ведь не разлюбишь меня, Ной, если из всех украшений, что ты подарил мне за всю нашу долгую жизнь, оставлю себе только ожерелье из ракушек, которое ты подарил мне в детстве?

— Конечно, нет, дорогая! Ведь как раз то ожерелье я сделал своими собственными руками, а не купил! В отличие от Иафета, который своей невесте и жене все драгоценности мастерил сам.

— А я ей еще наделаю, в пути мне все равно почти нечем будет заниматься...

— Это ты так думаешь! — усмехнулся старый Ной.

— И мы с Ассией не пообедем, ведь главная наша драгоценность — ее доброе сердце! — сказал Хам и чуточку смутился, обнимая жену, поднявшую на него сияющие глаза.

«Какая чудесная у меня семья!» — подумал Сим, оглядывая своих родственников.

— Но и Хам совершенно прав, — посуровев, добавил Ной. — За нашей Диной неприятности ходят по пятам. Сим, если Дина даст повод, а я думаю, он легко найдется, постарайся еще раз поговорить с ней об отплытии с нами в Ковчеге.

И все с надеждой посмотрели на Сима.

* * *

Из дневника Дины:

Это было внезапно и ужасно! Был вечер, в ресторане на крыше все веселились и танцевали под оркестр. Вдруг с шумом распахнулись двери, и в зал вошла группа рефаимов с офицером впереди. Я кинула оркестру: «Встречный марш, быстро!» и под звуки торжественной музыки с распростертыми руками пошла навстречу неожиданным гостям:

— Какие гости! Какая радость! Милости просим!

Но офицер остановил меня жестом, не торопясь снял с пояса цепь с ошейником и на глазах у изумленной публики замкнул его у меня на шее.

— Вы арестованы! — громко сказал он.

Оркестр взвизгнул и заткнулся. В полной тишине меня вывели из ресторана, протащили за цепь вниз по лестнице и затолкали в повозку.

Я не хочу даже здесь, в моем дневнике, описывать, что было со мной в камере рефаимского управления. До сих пор у меня болят кости и все тело, а ожоги заживать будут еще очень долго. Но я не сказала ни слова о том, откуда я добывала фрукты для своего энергена!

Меня все-таки выпустили, потому что Ной приехал в управление и выложил груды драгоценностей в виде выкупа. И он сим отвез меня в «Ковчег» и сдал на руки оставшимся служанкам. Их у меня, кстати, осталось немного, всего три девушки, которым просто некуда было идти. Остальные охотно предали меня, рассказали рефаимам что было и чего не было и разбежались. Но и в этом есть хорошая сторона! Если бы они дождались моего возвращения, мне пришлось бы выплатить им все заработанное даже за то время, когда «Ковчег» был закрыт и не приносил дохода!

У меня не было сил, болело все тело, но я все же поднялась к вечеру и пошла осматривать свое разоренное хозяйство. Рефаимы не просто арестовали все фрукты и готовую продукцию — они разломали машины и дотла сожгли здание фабрики. Но мне опять повезло! Расхаживая по пепелищу, я нашла несколько втоптаных в песок пакетиков со своим энергеном. Я их подобрала, целые пакеты сунула в карман, а разорванные закопала обратно в песок — за эти дни пастилки в них успели покрыться плесенью. Ничего удивительного, ведь это были не геенно измененные фрукты: те могут месяцами лежать в сырости и сохранять товарный вид до тех пор, пока процесс разложения в них не дойдет до конца и они не растекутся в зловонную жижу... Что-то я всерьез стала поддаваться Симовой пропаганде в пользу натуральных овощей и фруктов! Но думаю, так или иначе, а сейчас эти пастилки помогут мне залечить раны и утишить душевную боль от унижения...

* * *

Дина спустилась на берег под вечер, уже в сумерки, но на этот раз она подошла к самому Ковчегу и по сходням осторожно, почти крадучись, подошла к закрытой двери и тихонько постучала.

Ее услышали.

Отворил ей двери сам Ной, и на его лице сияла та самая ликующая улыбка, которой он был готов встретить любого пришедшего в Ковчег. Но при виде Дины он перестал улыбаться, а просто обнял ее, прижал к груди, погладил по голове и сказал:

— Проходи, Дина! В нашем Ковчеге ты всегда будешь как у себя дома.

Дина слабо улыбнулась невольной шутке Ноя, кивнула и переступила высокий порог. Ной шел впереди, держа над головой лампу. Они поднялись по лестнице на третий этаж, где семья Ноя готовилась ужинать.

Сим бросился было к ней, но остановился, что бы дать дорогу матери: Ноэма уже бежала к Динке с протянутыми руками, и в одной руке у нее была зажата большая ложка.

— Девочка наша вернулась к нам! Дина, моя дорогая доченька! — Она обняла Дину, и та расплакалась у нее в объятиях. На одно только мгновение она прервала слезы, чтобы поднять голову и сказать:

— Я ничего им не сказала ни про вас, ни про Альву! Ни единого слова!

* * *

Эти же слова она еще раз повторила Ною, когда он провожал ее поздно вечером и вышел вместе с нею на сходни у дверей Ковчег.

— Ни единого слова! Но остаться с вами я не могу, отче. Я должна восстановить все разрушенное: моя гостиница — дело всей моей жизни и мой дом. Я не могу вот так просто взять и все бросить!

— Воля твоя, девочка, — сказал Ной, — но помни, что до отплытия остались считанные дни. Постарайся не опоздать, когда пойдет дождь и ты поймешь, что все пророчества о Потопе сбываются.

— Хорошо, отче. А что это такое — «дождь»?

— Дождь — это когда небесная влага будет не оседать на землю густым туманом мельчайших капель, а станет литься сплошными водяными струями.

— Я вспомню твои слова, отче, если увижу такое чудо, — кивнула Дина.

— И еще запомни, доченька: когда бы ты ни постучала вот в эти двери, — он постучал в гулкую гоферовую доску, — они откроются для тебя, даже если до отплытия Ковчег останется всего одно мгновение.

— Благодарю, отче! — растроганно сказала Дина, наклонилась и поцеловала его большую натруженную руку.

* * *

Из дневника Дины:

Я старалась не вспоминать про свой сентиментальный визит в Ковчег, а потому на берег даже к Симу не спускалась. Да и не до того мне было, если честно!

Как ни странно, ресторан мой вдруг стал пользоваться у горожан небывалым успехом. Странные люди наши граждане — я у них теперь была в большой моде. Новая моя секретарша не успевала оформлять заказы на пиры и свадьбы, а многие приезжали в «Ковчег» специально посмотреть на меня. Ну и, естественно, задерживались, чтобы выпросить у официантов подробности визита рефаимов в «Ковчег» и моего ареста. И заодно разузнать, а нельзя ли раздобыть хотя бы один пакетик того самого запретного энергена? Получив строгий ответ, что «пока» это никак невозможно, но в скором будущем... может быть... будем вас иметь в виду... Ну и гости, естественно, оставались пообедать или поужинать, веселились, танцевали и платили деньги.

А я им всю подыгрывала! Расхаживала с таинственной физиономией много пережившей и много повидавшей, но не сломленной женщины. Более того, перед выходом в зал я проводила по щеке легким коричневым карандашом — по тому месту, где, по мнению гостей, должен был

остаться след от рефаимского ошейника. На правой руке я теперь постоянно носила длинную черную перчатку, поскольку было известно, что именно эту руку мне собирались отрубить рефаимы. И что уж там эта перчатка должна была символизировать, я и сама пока придумать не успела, но на клиентов она действовала неотразимо! И, между прочим, выходила я к ним, вся такая строгая и печальная, но в ультрамодном костюме! Ножницы, немного ниток, чуточку усердия, и мой испорченный «змеевик» превратился в последний писк моды — в «пятерочку»! Их в нашем городе пока носили только подруги рефаилюв. А всего-то пять круглых дырок — три спереди и две сзади! Но самые модные кавалеры приглашали меня на танец и почитали за честь посидеть со мной за столиком. Что ж, в конце концов, не так много я и потеряла. Даже маленькую гостиницу, бывшую мою фабричку, я уже потихоньку начала восстанавливать...

А в Ковчег я больше не заходила. Теперь двери у них всегда были закрыты, а подойти и постучать — это было сверх моих сил. Они могли мой приход и стук в дверь неправильно истолковать. Если верить Ною и Симу, до Потопа оставалось всего ничего... А у меня на этот срок были свои планы. Как только названное время отплытия Ковчега подойдет и пройдет, бедный старый Ной, конечно, назначит какой-нибудь новый фантастический срок. Но Сим, я знаю, все равно будет страшно разочарован: его любимый и почитаемый отец вдруг, впервые в истории семьи, окажется неправ. И вот тут появлюсь я, в новом «змеевике» и с новым деловым предложением!

Я поняла, что люди про «Ковчег жизни» не только не забыли, а как раз наоборот — про него стали ходить легенды, его принимали за какой-то таинственный новый наркотик. Ходили слухи, что мои таинственные пастилки, кроме всего прочего, способствовали восстановлению половой потенции. А с этим у большинства населения дела обстояли куда как плохо, несмотря на «секс без границ»...

И вот я придумала, как нам с Симом легко и быстро отхватить огромный куш! Мы станем изготавливать пастилки прямо в Альве и уже оттуда тайно распространять их по всему свету! Я отправлю Сима в сады, там где-нибудь неподалеку построю фабрику, и он станет ею заправлять, а сама я буду сидеть в своем «Ковчеге», как маленькая незаметная паучиха, широко раскинув сеть распространения дорогого, очень дорогого подпольного товара. И за какие-нибудь несколько лет мы с Симом сказочно разбогатеем!

Но с этим надо будет очень и очень поспешить, потому что источник этот иссякнет совсем скоро. По ходу допросов я поняла, что следователи-рефаимы прекрасно осведомлены о питательных и целебных свойствах натуральных фруктов. Сами-то они потребляют именно их, а не геенно измененное барахло для масс. По ходу допросов следователи, ничуть не стесняясь, брали из кучи «вещественных доказательств» яркий пакетик, вскрывали его и кидали в рот ту самую пастилку, за которую собирались мне руку рубить! Из их разговоров между собой я поняла, что в самом скором времени нефилимы намереваются открыть широкую торговлю натуральными продуктами — в специальных и очень дорогих магазинах, теперь уже объявив их более полезными для человека.

В общем, выходило так, что я не совершала никакого преступления, никого не травила, а просто ненароком опередила планы нефилимов. Вот за это на самом деле мне и собирались отрубить правую руку — за нарушение нефилимской монополии на любые крупные доходы. А вот не тяни, девушка, ручку за деньгами, которыми намереваются завладеть властители мира!

Сволочи. Но я хочу иметь хотя бы вполовину такую же власть и такую же сладкую и вольную жизнь, как у тех, кого ненавижу.

* * *

А двери в Ковчег были теперь закрыты из-за странного и необъяснимого происшествия, которое я наблюдала своими глазами, по пока не знаю, как объяснить. Надеюсь, мне потом Симка все растолкует.

Это было на рассвете, примерно неделю назад. Я вышла на крышу, как обычно делаю перед началом рабочего дня, подошла к перилам и остановилась в изумлении.

По тропе, ведущей к Ковчегу, через дюны двигалась бесконечная вереница животных. Шли они парами, самец и самка, насколько я могла издали разглядеть, шагали неспешно и мирно: пара тигров, а за ней изящная чета антилоп, пара носорогов и следом пара верблюдов, какие-то вовсе неизвестные мне экзотические звери — медведи с белой шерстью, длинноногие ходячие птицы с крохотными крылышками, явно не предназначенными для полета. Но были и совсем обыкновенные домашние животные: конь и кобыла, буйвол с буйволицей, кошачья пара, собачья... Какие-то совсем мелкие тварюшки суетливо бежали под ногами крупных животных, и те через них бережно переступали.

Звери подходили к широко распахнутым дверям и скрывались в Ковчеге. А последними шла семья слонов. Совсем маленький и, кажется, чуть ли не слепой слоненок шел, держась хоботком за материнский хвост. Наверное, он родился в пути, буквально только что, потому что все остальные звери шли парами, без детенышей. Поэтому слоны и шли последними. Серые громадины подошли к Ковчегу и остановились, будто в нерешительности. Но старый Ной шлепнул слоненка по заднику, и тот, выпустив материнский хвост, резво протопал в Ковчег, а родители степенно последовали за ним.

Вот после этого двери в Ковчег и затворились.

* * *

Звери вели себя смирно и даже кротко. Они послушно проходили парами на то место, которое им показывали люди, ложились на соломенные подстилки и тут же засыпали.

— Я думаю, что они большей частью так и будут спать, — сказал Ной, — так что особых забот у нас с ними не будет.

— Но ведь Творец велел тебе запасти для них корм! — возразила Ноэма.

— Ну, значит, время от времени они будут просыпаться, чтобы поесть.

— И значит, будет у нас работа, — сказала Ноэма.

— Ага. Особенно через некоторое время после того, как звери поедят! — усмехнулся Иафет. — Отче, я придумал, как сделать лоток для сбрасывания навоза сквозь стену. Вот, взгляни на чертеж. Если ты одобришь, я еще успею его сделать.

— За оставшиеся три дня?

— Три дня достаточный срок, отче. Я все успею.

— Ну, давай посмотрим, что ты там изобрел, умница наш!

* * *

Сим сидел под окном и смотрел в сгущавшийся над ним туман. Окно выходило в море, и

«Ковчег» на скале отсюда виден не был, но оттуда доносился грохот музыки.

— Уже завтра... Переживаешь? — тихо спросила Лия, подходя к нему и беря его за руку. — Может, тебе сходить к Дине и еще раз поговорить с нею?

— Бесполезно ее уговаривать. Она должна сама решить.

— Как обидно! Сто лет отец звал людей в Ковчег, а пришли...

— А пришли одни скоты, — закончил за нее Сим. — Люди оказались строптивее и упрямее бессловесных тварей.

— Как жаль...

— Ужасно жаль, милая!

* * *

Из дневника Дины:

А вода все льет и льет с неба... Когда Ной сказал мне, что скоро с неба будет лить какой-то «дождь», я ему не то чтобы совсем не поверила, но просто пропустила мимо ушей. А вот теперь вода льется тесными струями, как всегда проливалась накопившаяся вода на листьях, если, проходя по саду, вдруг неосторожно задеть дерево плечом. Причем этот самый «дождь» льется по всему берегу, по всему свету, льется даже на воду моря... И похоже, что никого это не пугает, кроме меня.

Страшно мне почему-то, даже очень страшно, если по совести... Хотя надо бы радоваться, ведь сегодня тот самый пресловутый «день Потопа» — а потопа-то и нет! Завтра, завтра все разъяснится, и жизнь снова войдет в нормальную колею. Может быть, завтра и «дождь» кончится, и откроются двери Ковчега, и все животные разбегутся по своим убежищам, а я спущусь на берег к Симке, упру руки в боки и спрошу: «Ну, что ты теперь скажешь, братец Сим?»

А Ною я, ничего не скажу, потому что мне и сейчас уже очень жаль старика...

Но это завтра. А сейчас надо взять себя в руки и идти вверх, в ресторан. Там сегодня не протолкнуться. Людей дождь совершенно не пугает, они воспринимают его, как новое оригинальное развлечение. Нефилимы через рефаимов так всем и объяснили: ничего сверхъестественного, обычное явление природы, только пока еще мало изученное.

Все, хватить ныть, работать надо! Потом допишу...

* * *

Все понимали уже, что вот-вот вода поднимется еще немного, и Ковчег тронется с отмели и поплывет. Но все еще на что-то надеялись, и поэтому на нижнем этаже, у дверей Ковчега даже ночью горела лампа и рядом с ней сидел кто-нибудь из семьи.

А днем все то и дело спускались вниз, будто бы проверить, как спят животные, на самом же деле — прислушиваясь: не постучит ли кто в двери Ковчега?

И вот наступил последний день, а за ним и последний вечер. Ковчег уже заметно подрагивал и покачивался под ударами волн. Уже открылись подземные источники вод и в море

закручивались буруны, а вода прибывала прямо на глазах, и вросший в тяжелый песок Ковчег понемногу готовился сняться с отмели.

— Уже пора задраивать двери, иначе через порог может набраться вода, — сказал Ной.

Иафет сидел возле клетки со спящими львами на чурбаке, опустив голову на руки. Молчал как всегда.

Хам рыдал, прислонившись к стене. Женщины плакали, хотя ни сил, ни слез у них, казалось бы, уже не осталось.

— Господи, если уж суждено Дине погибнуть, сделай так, чтобы смерть ее была быстрой и легкой! — тихо, так что слышала только Лия, молился стоявший рядом с нею Сим.

— Все, дорогие мои, пора! — громко сказал Ной. — Паклю и смолу приготовили?

— Да, все готово, — сдавленным голосом сказал Сим.

Иафет еще раз проверил все засовы, взял длинный жгут пакли, обмакнул его в смолу, приставил к боковой дверной щели над петлями и стал ловко и умело заталкивать паклю ножом.

И тут в дверь раздался чей-то робкий и быстрый стук. Иафет замер, не веря своим ушам.

— Отче! Там кто-то стучится! — закричал Иафет и отодвинул подальше от двери ведро со смолой.

Лица у всех просветлели, глаза засияли надеждой.

— Это Дина, это наверняка наша Диночка! — воскликнула Ноэма, сжимая руки под подбородком.

Сим бросился к двери и приоткрыл ее на шири ну в локоть.

На самом краю сходней перед дверью стоял на задних лапах совершенно мокрый дрожащий заяц. Передние его лапы беспомощно свисали перед грудью, с них капала вода, окрашенная кровью. Уши он опустил вниз и умоляюще глядел на всех большими косыми глазами.

— Ну, входи же скорей, милый! — сказала Ноэма и сняла с плеч покрывало, готовясь обсушить беднягу. — Ну-ну, не дрожи так! Ты ведь успел, теперь тебе уже нечего бояться, малыш...

— Интересно, и куда мы потом будем девать лишних зайцев? — растроганно проворчал Ной, утирая глаза.

Иафет подошел к дверям Ковчега, снова затворил их и заложил засов.

* * *

«Ковчег» сиял. В ресторане бесновалась музыка, а клиенты выскочили из-под навеса и неистово дергались под проливным дождем: это было так непривычно, так весело — танцевать под льющимися с неба струями холодной воды! Женщины визжали, мужчины громко и бесстрашно хохотали — они чувствовали себя крутыми храбрецами.

Дина, в вечернем платье и нарядном плаще поверх него, с одной длинной черной перчаткой на

правой руке, тоже вышла из ресторана, подошла к самому краю крыши, облокотилась на тонкую железную ограду и глядела вниз, на берег. Любопытно, а что сейчас творится там у них? Но Ковчег стоял недвижимый, темный и молчаливый. Если в нем и горел свет, так ведь единственное окно его выходило в сторону моря!

Потом Дина увидела полоску света внизу, в том месте, где были сходни и двери над ними. Полоска мелькнула на миг и исчезла, но в ее свете Дина успела заметить, как дрогнул массивный темный борт Ковчега и сходни тяжело упали в воду.

А еще Дина заметила, что вокруг стало светлее. Подняв голову, она увидела, что темная, почти черная сейчас водяная небесная твердь местами рвется и расползается темными клочьями, а между ними появляются провалы в темно-синее глубокое пространство, и в нем, в глубине, появляются далекие-далекие огни. Множество огоньков, крупных как жуки-светлячки и совсем мелких, будто крупинки жемчужной пыли. А в самом большом разрыве между черных клочьев тверди сиял огромный белый диск. «Неужели это те самые Луна и Звезды, о которых говорил Сим?» — восхищенно подумала Динка. И это была ее последняя спокойная мысль, потому что в ту же секунду за ее спиной погас свет и перила под ее рукой трягнуло. Темное теперь здание «Ковчега» пошатнулось вместе со скалой и стало рушиться вниз... Последнее, что она еще успела увидеть в лунном свете, была высокая длинная волна с пенистым гребнем, обрушившаяся на берег. Отступая, она подхватила Ковчег, развернула его светящимся квадратом окна к берегу и понесла в открытое море.

— Плывите! — успела прошептать Дина, теряя сознание и одновременно падая вниз через ограду. Еще какое-то мгновение ее закрытые глаза видели сияющий квадратик окна, потом и он померк. Музыка еще продолжала грохотать за спиной, но для нее все уже было кончено.

Конец и Богу слава!